

ГЛАВА III

Души не бумажные!

(конец 70-х – начало 80-х)

...Только мы не встретимся, знаю я заранее,
Ты сказал, нахмурившись: «Нынче заседание!»
Заседанье кончится, но с не меньшим рвением
Просидишь до ночи ты над постановлением.
И знакома улица, и тропа знакомая,
Вот приду нежданно я, встану у райкома я.
И скажу в открытую, не тая волнения:
«Что ж вы заседаете даже в воскресенье!
Пусть и комсомольские, пусть дела и важные,
Сердце-то имеете, души не бумажные!..»

*Е. Родыгин, М. Пилипенко,
«Небо тёмно-синее», 1952 г.*

Теперь далеко...

Едет эстонец на дрезине. Возле путей показался другой эстонец, машет рукой:

«Подвезёшь?»

«Садись!»

Едут час. Пассажир спрашивает:

«Слушай, до Таллина далеко?»

«Нет, не очень далеко»

Едут второй час. Пассажир опять спрашивает:

«Слушай, до Таллина далеко?»

«Теперь далеко...»

Однако ерунда всё это – совсем не такие они, эстонцы. Вроде бы медлительные, да. Но сдержанные только сначала, а когда разомнутся-раздухарятся – буря эмоций. Однажды в волейбол с нами играли. Эстонцы-болельщики пришли с корытами, ведрами, мисками, барабанами; и если мы подбадривали своих «давай-давай», то они начинали стучать из всех орудий: поддерживая своих и выбивая из колеи противника...

Я стою на Ратушной площади в Таллине. Всего полгода назад пришёл из армии – и вот уже «два мира – два шапиро»: Новоград-Волынский на Украине и Таллин в Эстонии – две очень большие разницы. Но по порядку.

По *настоящему* комсомолу я в армии скучал. Так, что уже через неделю после «дембеля» пришёл в Киевский райком комсомола Москвы и встретился с секретарём райкома Сергеем Солдатовым: мы познакомились, когда я ещё состоял в школьниках.

Сказал, что хочу работать в райкоме. Перетёрли тему, Сергей выяснил, что собираюсь поступать на журфак, причём на вечерний, ну и, с учётом перспективы высшего образования, взял в школьный отдел.

Среди моих первых задач значилась организация так называемой «пятой трудовой четверти», когда школьники месяц и больше работали в различных хозяйствах. Поездив по подмосковным совхозам – теперь уже не как корреспондент, а как инструктор райкома комсомола и организатор трудовых отрядов. Увидел: либо хозяйство – слёзы, либо организация труда – слёзы, либо то и другое вместе.

Прибыль от школьников совхоз получить и не рассчитывал, а их проживание и кормёжку записывал себе в убыток. Денег за труд платить и подавно не собирался! А как же? А так же! Скажем, если работаешь на уборке клубники (тогда она являлась страшнейшим дефицитом!), то по итогам работы дадут тебе ящик ягод, и будь доволен. Яблок – так вообще бери, сколько хочешь. Но сбор яблок и клубники воспринимался тогда, как элитный труд, который большинству не доставался.

Я не забыл, конечно, как в детстве вязал в пучки редиску и сбивал ящики – за живые деньги! Но в кампании, называемой «пятая трудовая четверть», такого не наблюдалось.

А наблюдалась массовая, бестолковая и бесплатная трудовая операция, обозначенная словом «прополка».

Как считать, сколько ты прополот? Да никак, совхозные бригады такого рода подсчёты в уме не держали. Потопчутся ребята по полям, сколько-нибудь вредной для посевов травы выдернут – и ладно.

Вы, наверное, уже думаете: а какая связь между подмосковными сорняками и Ратушной площадью в Таллине? А давайте-ка вспомним фильм «ДМБ», где воинский начальник спрашивает у солдата:

«Ты суслика видишь?»

«Нет».

«И я не вижу. А он есть!»

Так и связь между Подмосковьем и Эстонией тоже есть, хоть на первый взгляд и не видна. Образовалась эта связь следующим образом. Сверхактивный и свободолюбивый учитель литературы в 67-й школе Сэм занимал к тому же должность заместителя директора по воспитательной работе. Однако воспитание посредством дармовой и стихийной подмосковной прополки глубоко и несдержанно отвергал, а параллельно искал альтернативные варианты летнего труда. И нашёл!

Оказывается, в Эстонии ещё в 1967-м году образовалась Эстонская дружина школьников (ЭДШ, позднее Эстонская дружина старшекласников – ЭДС), ориентированная как раз на летний труд. Съездив туда и познакомившись с деятельностью ЭДС, Сэм испытал культурный шок: он увидел образцовую форму бойцов и командиров, образцовый труд и образцовый досуг. Он увидел трудовые округа, штабы и отряды. Он увидел европейский порядок прибалтийского разлива и испытал сильные эмоции. Минув всякие управляющие образованием органы Москвы и даже Советского Союза, вышел на ЦК ленинского комсомола Эстонии и договорился о том, что хозяйства Республики прирут два отряда москвичей.

Вот мы и стоим на Ратушной площади – два единственных из всего СССР неэстонских отряда. В синих джинсах, шикарных красных рубашках и ремнях с эмблемами ЭДС. О центральной России напоминает лишь металлическая звезда на моём командирском погоне – как у армейского майора.

Вся площадь заполнена отрядами: здесь и школьники, и учащиеся ПТУ, и студенты, и даже трудные подростки – у каждой категории «прикид» свой, разных цветов.

Зажигательно выступает Эдгар Сависаар – один из руководителей ЭДС в ЦК ЛКСМ Эстонии. Он молод, улыбчив и демократичен. Пройдёт немного лет, и Эдгар приедет в Москву, остановится на ночлег в московской коммунальной квартире Сэма, и они будут дружески пить московскую водку и эстонский ликёр «Вана Таллин». Пробегут ещё годы, и Эдгар станет председателем Совета Министров Эстонской ССР; а когда Эстония превратится в самостоятельное государство – вице-спикером парламента, министром, председателем городского собрания и мэром Таллина.

Самое время порассуждать: как это, правоверный комсомольский вождь, и вот... Республика Советского Союза, а теперь независимое государство? Чего не хватало? Происки империализма?

Глобальные историко-политические версии, разумеется, существуют. Но попробуем объяснить проще, по бытовому, по-комсомольски. А начнём как раз с прополки.

В отрядах ЭДС, в эстонских хозяйствах Торма, Валту, Пыхью и Муствее мы работали именно на прополке. Но! Никаким бардаком, стихийностью и дармовщиной здесь не пахло. Поле расчерчивалось на метры-квадраты. Каждый из пропольщиков по окончании рабочего дня подходил к бригадиру и рапортовал, сколько метров грядок обработано. Тот, без всяких проверок, записывал в блокнот. Абсолютно не заботясь о том, что кого-то подмоет в такой ситуации приписать себе десять, пятьдесят, сто лишних метров!

Зачем заботиться о предмете, забот не требующем? Площадь поля и длина грядок на нём хорошо рассчитаны, в том числе по стоимости. И командиру отряда озвучивается вполне определённая сумма за прополочное освоение этого поля... Дальше с приписками разбирайтесь сами. Баста! Ни собраний, ни проверок, мели Емеля – твоя неделя.

А если убирать сено? Аналогично! Просчитан тоннаж, определена цена его погрузки-разгрузки. Валяй, приписывай!

Уборка камней с поля? То же самое! Прикидывается, в данном случае приблизительно, вес этих камней, а дальше идёт расчёт за каждый килограмм.

Вот ты какой, оказывается, эстонский олень! Точнее, заяц. Маленькие зайчата регулярно встречались на полях. Мало-помалу привыкли и к зайчатам, и к порядкам. А когда пацаны и девчонки получили за полтора месяца работы по 100-150-200 рублей (чистыми, за вычетом питания и проживания), то в голове зародилась мысль: а почему в Подмосковье-то не так?

Это всё? Нет, не всё. В Подмосковье, да и вообще по России – мусор в деревнях, разбитые дороги, покосившиеся дома. А тут – аккуратно и чисто.

Возьмём другой ракурс. В Москве в ресторан не попадёшь, часами будешь стоять, чтобы войти. А в Таллине, Тарту, Пярну – пожалуйста, кушай-отдыхай без всяких очередей. И одежда кой-какая в магазинах есть, и техника при всеобщем СССРовском дефиците.

Но больше всего... Больше всего тронуло, что останавливаешься на каком-то автобусном переезде, а там кафешка, а в кафешке не чёрствый пирожок, а увлекательный такой бутерброд с килькой, лучком и яйцом. И слюнки текут, а от чёрствого подмосковного пирожка не текут.

Видно, и подумали прибалты: зачем нам это вместе с балетом и космическими кораблями, мы уж как-то сами помаленьку, без грандиозных свершений, зато красиво и опрятно.

А отношения? Отличные складывались с эстонцами отношения!

В один из сезонов мы базировались в городке Муствее, прямо на берегу Чудского озера, где приснопамятный князь Александр Невский одерживал победы над басурманами. Несколько ребят из отряда, да и сам я, играли в здешнем клубе на гитарах и ударнике. Местные узнали и приглашают: приходите на танцы, поиграйте, наши программы уже всем надоели. Пришли, ребята мои взяли гитары ритм, соло и бас, я сел за ударник.

И вдарили «Шизгару» с переводом, как это было принято тогда, полностью не совпадающим с первоначальным английским текстом:

«Жалобно звенит струна,
Вот и мне грозит война,
Лист повестки небольшой,
Крест поставлен надо мной.
Гитара! Пой песню гитара!
Лишь о мире – лишь о мире
Гитара поёт...»

Эстонский молодняк и наши отрядники вместе «балдели» и кувыркались. Я сломал палочки, но ударник-хозяин не обиделся: ерунда-вопрос, переверни тупой стороной и стучи дальше!

Ходили с местными на рыбалку на озеро с ночёвкой. Был прикольный случай. Ключнул, видно, большой лещ; я тяну, а он оборвал леску вместе с поплавком. Лещ ушёл, а поплавок-то виден, надо в воду лезть, может, вытянем. Я полез: подплыву – а поплавок скрывается под водой. Замёрз.

Эстонец говорит: давай я. Тоже полез, тоже плавал, тоже замёрз, а леща не поймал. Разожгли костёр, грелись, хохотали. Какие там напряжённые межнациональные отношения!?...

Трудовые подвиги заканчивались окружным слётом. Где каждый готовил свой аутентично оформленный лагерь, концертную программу. Где состязались в спорте по-эстонски. Например, садятся двое на бревно и колотят друг друга подушками: кто упал с бревна – тот проиграл. И никаких обид! Или кормят друг друга кашей с завязанными глазами. Умора!

Командный состав парился в бане. И Эдгар Сависаар парился! Помню, девушки-командирши зашли в парную первыми. Заступаем следом, а они... топless. Мы слово «стриптиз»-то едва слышали и воспринимали его как одно из проявлений буржуазного разврата, а тут не буржуазные, а напротив, свои, социально близкие, комсомолки...

Мы переглянулись с командиром нашего отряда – учителем физкультуры Толей Киселёвым, и мозги пробила мысль: а может, это не просто так, может, предполагается захватывающее продолжение? Тем более, что Толя – мастер спорта по классической борьбе, атлет, даже позировал художникам за небольшие бабки. Да и я ничего!

Пытаясь заглушить сумасшедшее сердцебиение, подвигаемся поближе к блестящим от влаги женским бюстам. Однако, поймав своими откровенно порочными глазами недоумевающие и совсем не порочные ответные взгляды, поспешно отползаем на прежнее место.

«У нас так принято», – поясняет Эдгар.

Полевые совхозные уроки пошли ему впрок: в 1987 году бывший комсомольский лидер Сависаар станет одним из авторов программы перевода Эстонии на полный хозяйственный расчет.

Пионеры для Политбюро

Одна из функций школьного отдела райкома – подбирать пионеров для вручения цветов членам Политбюро ЦК КПСС. Читаете и думаете, наверное: ври, да знай меру. Какие цветы? Какому Политбюро? Да вы на километр к Старой площади не подойдёте – погонят мокрыми тряпками!

А вот и не погонят! Речь шла о следующем. На демонстрациях 1 мая и 7 ноября члены Политбюро ЦК – в конце 70-х Леонид Ильич Брежнев сотоварищи – стояли, как известно, на трибуне Мавзолея дедушки Ленина. И в какой-то момент на трибуну, откуда ни возьмись, забежали пионеры и вручали кремлёвским старцам цветы. Любой советский гражданин мог наблюдать это действие по домашнему телевизору.

По секрету расскажу о том, чего любой гражданин наблюдать не мог: на обогреваемой гранитной полочке у членов Политбюро лежали коробки ну с очень хорошими конфетами из коммунистического спецраспределителя. Принимая букеты от детей, партийные боссы вручали им эти коробки.

Так вот о подборе пионеров. Неписанные критерии формулировались, с одной стороны, обычно:

– Равное количество мальчиков и девочек.

– Белый верх, тёмный низ; у мальчиков – брюки, у девочек – юбки. В холодное осеннее время сверху, конечно, возможны опрятные курточки, чтобы дети не замерзали.

– У мальчиков должен быть чубчик, у девочек – косички.

С другой стороны, критерии выдумывались удивительные:

– Дети отбираются из обычных школ, из спецшкол дети не отбираются (имелись в виду спецшколы с изучением иностранного языка и школы Академии Наук СССР, где училось много «блатняка»).

– Отбираются дети, успевающие на «хорошо» и «отлично». Троечники не отбираются, отличники – тоже.

– Дети исключительно из рабочих семей. Если папа или мама начальник – не подходит. Если среди родителей артисты, или учителя, или даже инженеры – тоже не годится.

Как-то мы обменивались опытом с райкомовцами Орловской области. Среди функций упомянули и про отбор пионеров для вручения цветов, и про критерии отбора.

«У вас, вероятно, этой головной боли нет?» – спрашиваю орловцев.

«Как же нет, е-э-э-эсть...»

«А кого и куда вы отбираете?»

«Молодых доярок-комсомолок для вручения правительственных наград».

«Ой, как интересно! А у вас критерии какие?»

«У нас критерии такие: медаль на груди доярки-комсомолки должна не висеть, не болтаться, а лежать. Хорошо лежать!»

* * *

Важнейшая функция райкома – приём в комсомол, понятное дело. Принимали вообще-то первичные организации, но бюро райкома решение «первички» обязательно утверждало. Но мы всё равно называли это «приём».

В дни приёма в райкоме не протолкнуться: коридоры заполнялись тучами шалящих и галдящих мальчишек и девчонок.

В рутинной процедуре, в длительном и скучном процессе мы, и члены бюро, и функционеры аппарата, находили шоу-составляющую. Одна из них образовывалась спонтанно и выражалась в оригинальных ответах на совсем неоригинальные вопросы.

Типовым оказывался вопрос о том, кто является лидером коммунистической партии в такой-то социалистической стране. А задавали его не столько с целью проверки знаний, сколько для того, чтобы услышать что-нибудь смешное. И слышали!

«Ну и кто у нас руководит компартией Югославии?»

«Гойко Митич», – бодро отвечает соискатель комсомольского билета, а члены бюро от смеха чуть не падают со стульев.

На всякий случай напомним, что в генсеках югославских коммунистов много лет состоял Иосиф Броз Тито. А Гойко Митич, аполлонобельведерски сложенный артист, играл индейцев в ГДРовских фильмах.

Коммунистическим лидером капиталистических Соединённых Штатов Америки регулярно становился актёр и певец левых убеждений Дин Рид; в Чехословакии – певец Карел Готт...

Столь же типовым значился вопрос, связанный с деятельностью Владимира Ильича Ленина.

«К чему Ленин призывал?»

«Ну, типа, к труду»

«А учиться призывал?»

«Ну, наверное».

«А ты речь Ленина на III съезде комсомола читал?»

«А что мне Ленина читать, я Ленина и так знаю...»

Говорят, смех прибавляет жизнь. Приёмы в комсомол нам её существенно прибавили.

Оживление вызывали и красивые школьницы. Когда людей на приём приходило особенно много, мы разбивались на группы, заседавшие в разных кабинетах. Теперь представьте. Входит на приём восьми-девяностиклассница 90:60:90 и с бюстом 3-4-5. Маленькой группе принимающих не справиться, подтягивали подмогу. И «пытали» претендентку вопросами, ответы на которые не имели никакого значения.

Первый секретарь райкома Толя Ковульников, пытаясь сделать гневно-суровый вид, обрезал затянувшуюся процедуру, а после ухода грудастого объекта резюмировал: «Вы – похотливые самцы! Запомните; в комсомоле нет мужчин и женщин, в комсомоле есть доброе слово «товарищ»».

* * *

В райкоме-горкоме-ЦК комсомола существовали не только школьные отделы. Отделы пропаганды и агитации учили, как лучше и правильнее любить Родину. Организационные отделы занимались тем, чтобы на мероприятия по этой любви обеспечить приемлемую для вышестоящих органов явку и рассадку. В компетенции отделов оборонной и спортивно-массовой работы находились тур-военслёты, спортивные соревнования и всё подобное вплоть до показательной рубки кирпичей ладонями особо продвинутых в боевых искусствах комсомольцев.

Но были функции... ну, не слишком афишируемые. Скажем, спичрайтинг. Такого слова, разумеется, в те года не употреблялось, но функция-то существовала. Расшифровать? Ладно. Мой товарищ Миша Бочаров волею судеб попал в спичрайтеры первого секретаря Московского горкома комсомола. И до-о-о-лго отказывался об этой «кухне» рассказывать. Потом я его таки дожал, а он, без особого энтузиазма, но выдал:

«Закрытость спичрайтеров понятна. Это профессиональная «паранойя». Спичрайтеров за всю историю МГК ВЛКСМ было не больше двадцати. Это очень узкий круг людей, все они хорошо знают друг друга.

Однажды мне пришлось писать выступление первого секретаря МГК на пленуме ЦК комсомола в поддержку избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС престарелого и больного Константина Устиновича Черненко. Тогда мое внимание обратил на себя «птичий» язык партийных съездов и пленумов. Если это партия, то у нее был «мудрый курс». Если это комсомол, то он, как «младший товарищ партии», единодушно одобрял и поддерживал курс. Если комсомол занимался воспитанием, то оно «коммунистическое, в духе кодекса строителя коммунизма». И если комсомол за что-то боролся, то это «энтузиазм, дисциплина на стройках пятилетки и добросовестная учеба за партами школ, техникумов и вузов».

Комсомольские учителя мне говорили:

«Мы же не видим, как работают суставы, поскольку они покрыты кожей. Точно так же, когда выступает секретарь, не нужно знать, до чего он сам додумался, а что ему написали на бумажке. И сколько раз он отрепетировал искренность в голосе и сталь во взгляде. Подготовка речи первого секретаря есть процесс интимный».

Тайна вокруг речевой деятельности первых лиц – не только российская черта. В США уволили видного спичрайтера, чья жена не удержалась и похвасталась журналистам, какой у неё муж умный: придумал выражение, перевернувшее всю современную историю «ось зла». Засвеченный речеписец недолго наслаждался славой – его прогнали буквально на следующий день. За что? За то, что речь с этим словосочетанием произносил президент страны.

Спичрайтер добровольно обрекает себя на полное бесславие. Он успешен, пока в тени, а засветка для него – карьерная смерть. Тех, кто пишет речи первым лицам, во всем мире на профессиональном сленге называют «неграми». Они работают на определенного человека и обязаны учитывать характер спикера, его манеры. В каком-то смысле даже отождествляют себя с тем, для кого пишут.

Один из первых секретарей горкома, с кем я работал, просил у меня тезисы выступления и фактуру с цифрами. А другому первому предстояло писать буквальный текст. Впрочем, через некоторое время он отвлеклся от него и начал плетение словес, например:

«Комсомол в своей истории всегда занимался воспитанием молодежи, но делал это, отвлекаясь на войны, индустриализацию и коллективизацию. В мирное время он наконец-то смог приступить к главному своему предназначению – воспитанию молодежи. В послевоенное время он добился в этом очень многого. Но можно больше. И сегодня комсомол покоряет научно-технический прогресс. Но это не предел – он может ещё больше и добьётся этого большего...».

Талант спикера у него присутствовал немалый. Однажды, предварительно приняв на грудь в ходе радушной встречи в одной из советских республик, комсомольский лидер и вовсе забыл про подготовленные мной бумажки. Но... оглядел зал, высоко поднял голову и выдал:

«Трудно делать дело. Я вижу, что в этом зале, в отличие от многих других залов, собрались те, кто это дело делает. Поэтому я хочу поговорить именно о деле и о наших совместных с вами делах...»

Ну и так далее.

Кроме текстов для первого секретаря горкома приходилось писать и для выступающих в прениях. Всё складывалось хорошо, пока они этот текст читали. А когда отвлекались, происходили конфузы.

Выступает рабочий парень и говорит что-то о комсомольской прессе. Потом отрывается от бу-мажки и...:

«Я не могу без «Комсомолки». Я с ней сплю».

Речь шла о «Комсомольской правде». Зал – в лёжку.

В другом случае оратор проникновенно рассуждает о роли комсомола в его жизни. Произносит заключительную фразу и, почти пуская слезу:

«Я так благодарен горкому комсомола, я отсюда столько *вынес!*»

* * *

А теперь почти о секретном. Или без почти? Существовала такая комсомольская операция «Ясность». Православные, честные и преданные! Заткните уши! Сам-то я крещёный и православный. Крестили бабушки, папа-коммунист закрывал глаза.

Но вот когда работал в райкоме комсомола, на других крещёных поступали сведения... Откуда? Не помню, откуда. Но в принципе, думаю, от священнослужителей, которые обряды крещения с данными родителей, участвующих в них, заносили в тетрабочку. Далее по цепочке «сдавали» эти сведения кому положено. Через определённое количество звеньев райкому становились ясными фамилии комсомольцев, крестивших своих детей. Отсюда и название операции – «Ясность»? Шучу! Речь шла, конечно, о ясном, в представлении идеологов тех лет, сознании молодого человека.

Персональное дело комсомольца, чьё сознание признавалось не совсем ясным, разбирали в «первичке», затем на бюро райкома. С сочувствием? Да мы же комсомольцы-атеисты, какое тут сочувствие?!

«Как ты мог? Ты же комсомолец!»

Никто из крестивших за веру, за православные убеждения особенно не цеплялся, отнекивались стандартно:

«Мы с женой, мол, не хотели. А вот бабушки-дедушки (варианты: мамы-папы, братья-сёстры, дяди-тёти) настояли. И совершили. Неправильно, конечно, не по-комсомольски. Сейчас сожалеем».

Или совсем жёстко отказное:

«Мы и вовсе не знали. Бабушки-дедушки и прочие взяли ребёнка тайком, забрали наши паспорта (без паспортов-то, в Москве, во всяком случае, не крестили, однако... – авт.) и пошли в церковь. А мы только потом узнали».

Из комсомола не исключали. Так: от выговора до выговора с занесением. Но глаза членов бюро сверкали искренним и святым неприятием к чуждым обрядам.

В церковь-то я ходил. В целях, так сказать, ознакомления с тёмной и зловредной пропагандой. В действующую церковь Воскресения Слоущего на Арбате. Выстаивал полночи, до конца службы не мог – надоедало. А раз, по наущению знающих, прокрался в синаногу на улице Архипова. И купил «Пятикнижие Моисеево» за десятку. Десять рублей – это не цена, это взнос в церковную копилочку с прорезью. Пытался читать, ведь книга-то общая, что для христиан, что для иудеев. Не пошёл. И церковные проповеди как-то не пошли.

* * *

Персональные дела случались и посерьёзнее. На том же Арбате располагались театр имени Евгения Вахтангова и театральное училище имени Бориса Щукина, в народе «Щука». Для студентов училища, личностей творческих и возвышенных, неуплата комсомольских взносов, непосещение собраний, утрата комсомольских документов являлись вопросами настолько низкого порядка, что и мы, работники райкома, проникшись высоким, смотрели на это сквозь пальцы и, как могли, щадили провинившихся.

Но вот... Студент – сын одного из самых известных в СССР в то время артистов вместе с группой товарищей-комсомольцев вдарили крепкого, забрались на крышу архитектурного института и сняли государственный флаг страны. Помаршировали с ним немного, потом порвали флаг и выбросили. Случилось это в день празднования 60-летия советской власти.

Группу «замели», её участников выгнали из института и исключили из комсомола.

Как справедливо замечал главный «флаг-герой» в последующих интервью, «могли же и посадить за порчу государственного флага». Вполне могли! Но не посадили, поскольку в дело включились и папа, и другие солидные деятели искусства и не только искусства с запредельной и незапятнанной репутацией, а главное, должностью, включая деятелей московского горкома ВЛКСМ. Когда решили вопрос с «непосадкой», стали решать следующие: с восстановлением в комсомоле и в институте.

На заседаниях-разбирательствах «герой» вёл себя совсем не по-геройски. Опять же, сам признавался спустя годы, как «подавал апелляции, извинения. В заявлении «Почему мне надо вернуться в комсомол», я под диктовку написал:

«С комсомолом из моей жизни ушло самое главное – стимул!»

А дальше в воспоминаниях вот что:

«Тех, кто меня допытывал (заметьте, не в гестапо и даже не в НКВД-КГБ, а всего лишь на заседании комсомольского бюро – авт.), убил бы всех... Если бы у меня в руках оказался автомат, слёз бы не было, – я бы их всех перестрелял...»

Восстановили «героя». И в комсомоле, и в «Щуке». Учитывая, так сказать, чистосердечное раскаяние. Не учитывая, что «убил бы всех». Тогда он об этом смело молчал.

* * *

Случались... Извините, конечно, но и буквально комсомольцы и комсомолки регулярно случались, однако я сейчас в переносном смысле. Случались проступки. Однажды, как вспоминает очевидец, на большом московском заводе при участии аж первого секретаря горкома ВЛКСМ шло комсомольское собрание. Рассматривался вопрос о вопиющем нарушении: группа молодых рабочих в пьяном виде возвращалась с отвлечения чего-то домой, но... оказалась почему-то возле ЦК комсомола на улице Богдана Хмельницкого (теперь Маросейка). Одному из рабочих приспичило, и он начал справлять малую нужду прямо возле культового здания ЦК, причём, выводил по лёгшему поздней осенью снежку некоторый нецензурный текст.

Поймали, рассмотрели, «первый» бушевал:

«Выгнать его из комсомола!»

«Да он не комсомолец», – уточняет робкий голос заводского комсомольского лидера.

«Тогда принять и выгнать!»

Скъпи братя и сестри!

Заголовок написан по-болгарски. Почему – скоро узнается. А пока опять к комсомольскому творчеству Александры Пахмутовой и Николая Добронравова:

«Звени, отваги колокол!
В дороге все, кто молоды.
Нам карта побед вручена.
Отчизне в дар останутся
Рабочей славы станции.
Запомните их имена...»

Что же это за «рабочей славы станции»? Снова БАМ или Братская ГЭС? Нет, теперь поэт формулирует так: «Любовь, Комсомол и Весна».

Вырисовывается связь не вычурная, а вполне понятная. Любовь, конечно, может протекать и без комсомола. Но комсомол без любви никак! В смысле без любви весной. А также летом, зимой и осенью, в городе и в деревне, в родной стране и за рубежом, в уютной квартире и на столе в райкоме. Итак, рассказ про любовь.

Имелась у нас такая блатная привилегия: если ты член бюро райкома, заведующий отделом, секретарь РК, то вполне можешь возглавлять группы для поездки за рубеж по линии Бюро международного молодёжного туризма «Спутник» – это, собственно говоря, внутриккомсомольская структура.

В конце 70-х я, уже человек с незаконченным высшим образованием, дорос до искомым должностей и удостоился чести руководства группой, направляющейся, вероятно, в самую лояльную к СССР социалистическую страну – Народную Республику Болгарию.

Ну, пока ехали в поезде «Москва-Одесса», по-простому квасили и пели песни, о любви пока речи не шло. В часовом авиаперелёте «Одесса-Бургас» – тоже. А потом любовь началась почти сразу. На автобусах ночью мы прибыли в Международный молодёжный лагерь «Приморско» на берегу Чёрного моря, возле Бургаса. И уже из окна автобуса начали любовь созерцать. Вдоль дорог гуляли парочки, на лавочках в парках и по дороге в жилые корпуса парочки полусидели и полулежали; из комнат кампуса раздавались смех, писк и визг, а на побережье в огромном шатре долбила дискотека и танцевала с напитками в руках полураздетая молодёжь.

В нашей группе всего-то четверо ребят и где-то двадцать пять девушек, все комсомольского возраста. Большинство в зарубежную поездку и подобную атмосферу попало впервые. Вздыхая, переглядываясь, а иные уже и облизываясь, расселяемся по номерам.

Ну, ладно, думаю; поспим для начала, а утром попробуем со здешними порядками и нравами разобраться. Очень скоро раздался стук в дверь, и стало понятно, что ни подобная логика мышления, ни слово «поспим» в его традиционном значении в лагере молодёжном, отличном от детского пионерского, неприемлемы.

Стучались и пришли знакомиться трое «братУшек» – руководителей болгарских групп в лагере вместе со своими «помощниками». Принесли ракии (болгарская самогонка, кто не знает) а мы выставили водку, провозить которую из СССР можно было лишь по две бутылки на брата. Выпили всё. Утром, взвесив обстановку, я провёл собрание группы и озвучил первое стратегическое решение.

«Уважаемые комсомольцы Киевского района столицы нашей родины – города Москвы! Выясняется, что в лагере предстоит ряд встреч с делегациями союзов молодёжи братских социалистических стран. Отсюда всю привезённую вами водку будем считать общественной, складировать у меня в номере и употреблять лишь в деловых целях укрепления дружбы между народами. Сухое вино можете оставить себе для укрепления дружбы с отдельными представителями народов».

Возражений вроде бы не поступило, и гардеробный шкаф в моём номере стал русским водочным баром.

Далее распорядок дня выстраивался так. Утром завтрак, потом купание в море и попытка подремать на пляже, плавно переходящая в дружественные встречи, имеющие целью исключительно обсуждение вопросов мира и взаимопонимания. Встречи продолжались и после обеда, а также ужина, перетекая, в свою очередь, в посещение дискотеки. Дискотека заканчивалась около трёх ночи, но это не означало, что заканчивалось всё остальное.

Популярными стали песенные посиделки. Болгары хорошо знали русские песни: «Подмосковные вечера», и даже «И Ленин такой молодой!», и даже «Комсомольцы-добровольцы». А уж про «Стоит под горою Алёша – в Болгарии русский солдат» и говорить нечего.

Подняв очередные тосты за вечера под Москвой, комсомол, Ленина и Алёшу, переходили к болгарскому творчеству, которое советские ребята совсем не знали. Зато добросовестно разучивали, скажем, такую душевную песню:

... Много родини има в света,
Има долини с чудни цветя,
Ала го няма пълният с блян,
С песен хайдушка роден Балкан.
Че на света е само една, една –
Нашата мила родна страна.
Че на света е България само една, една –
Нашата мила родна страна! (болг.)

Если переводить на русский не буквально, то будет, примерно, как в нашей известной песне:

«... А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна,
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна...»

Затем «братушки» предлагали ознакомиться с не менее душевным, но более лёгким жанром национальных частушек. Вот из самого безобидного:

«Мы любили всё на свете,
Кроме ёжа и гвоздя,
Потому что ёж колючий,
А гвоздя любить нельзя!»

Наши комсомольцы быстро запоминали и подхватывали зажигательный припев:

«За Дунечкою,
За Дунайкою
Провожай меня
С балалайкою...»

Н-да. Сон два-три часа в сутки стал нормой жизни.

А любовь-то где? Обещано было про любовь?

Чакай-чакай! (подожди-подожди – *болг.*). Любовь я отчасти прозевал, а отчасти был поставлен в невыносимые жизненные условия. Поясню.

На одной из встреч во имя мира я приглядел девушку Олю – нашу, советскую, и пригласил в номер попить чаю. Нас там проживало двое, но я полагал, что пока идёт дискотека, комната свободна. Номер оказался... закрыт с другой стороны. После настойчивого стука и руководящего вопроса «В чём дело?» дверь открыл полуодетый передовой рабочий одного из заводов района, кавалер медали «За трудовую доблесть» комсомолец Толя Медведев.

«Мы тут, эта, просто разговариваем и укрепляем связи...».

Ага, у него, блин, доблестные связи, а у меня облом! Это касательно «прозевал». А под «невыносимыми жизненными условиями» я имел в виду следующее.

Извините me, сьпи братья и сестри! (извините меня, дорогие братья и сёстры – *болг.*). Особенно сестри! Мир национальных внешностей построен весьма причудливо. Так, в Болгарии братья (мужики) очень симпатичны, а вот сестри (женщины) не слишком. Отсюда *любые сестри* из нашей группы пользовались бешеной популярностью у тамошних братья, что нашим дамам не могло не понравиться. Настолько не могло, что я собрал очередное совещание и железным комсомольским тоном заявил:

«Если кто-то из девушек хочет укрепить братские связи с представителем болгарской молодёжи, прошу вместе с ним вечером подойти ко мне и сказать, как долго вас не будет, а когда вернетесь – доложить о возвращении».

И вот сидел я у корпуса в назначенное время (обычно в час ночи) и ожидал докладов. Точно как в песне «Комсомольская традиция»:

«Есть традиция добрая в комсомольской семье: раньше думай о Родине, а потом о себе».

Но мечтал! После лагеря «Приморско» предстояла поездка в Пловдив, потом в Софию. Полагал, что таким образом «лагерные» братья отвянут от группы, и останемся мы со своими девчонками. На каждого хлопца окажется штук по шесть! А с учётом того, что параллельно с нами путешествует пара групп из других регионов СССР, то и по десять! Вот тогда я, истосковавшийся по женской ласке, и найду, наконец, Олю. Или Таню. Или Наташу.

Я опять заблуждался. Из «Приморско» за нами прицепился хвост болгарских братья на разномастных автомобилях. В Пловдиве, после посещения поющего фонтана, где на «ура» воспринимался текст цветомузыкальной песни в исполнении Аллы Пугачёвой «Уж если ты разлюбишь, так теперь», хвост пополнился. В Софии, после посещения Храма Александра Невского, где тоже всё связано с любовью, удлинился ещё.

Я подругился, а иного и не предлагалось, с руководителем группы из Пензы Алевтиной – румяным комсомольским лидером большого совхоза, с бюстом, идеально подходящим под правитель-

ственные награды. По вечерам мы вместе сидели на лавочке у гостиницы и ждали, когда в ого-ворённое время придут красивые болгарские братья и сдадут нам на руки счастливых советских сестри...

Открутим плёнку рассказа чуть назад. Когда мы в Москве уезжали с Киевского вокзала в Одессу, почти всех девушек провожали мужья или кавалеры. Девушки плакали горестными слезами и гово-рили: «Ой, как буду скучать!».

Когда мы приезжали на Киевский вокзал из Одессы, почти всех девушек встречали мужья или кавалеры. С цветами и шампанским! Девушки плакали счастливыми слезами и говорили: «Ой, как хорошо, что я дома».

И я дома. Сiju со свёртком, в котором лежит заветная мечта комсомольца поздних 70-х – дублён-ка, шитая в другой дружественной стране, Монголии, и купленная на средства, сэкономленные за счёт возможных интимных встреч со слабым полом в Болгарии. Рассуждаю:

«А отчего слёзы в одном случае несчастные, а в другом – счастливые? А оттого, что любовь – по-нятие сложносочинённое...».

История с брати и сестри закончилась? Отнюдь! Осенью, а может ранней зимой звонит мне в московскую квартиру – мобильных телефонов тогда, знамо дело, не существовало – болгарский комсомольский секретарь Костя Колев. Сообщает, что он с группой в Москве, в гостинице «Турист» на ВДНХ. Зовёт в гости.

Собрал я своих «болгарских», троих ребят и троих девчонок. И любимую девушку взял! Пусть знает, что никакой-такой нежности у меня в Болгарии не было, сплошная дружба.

Приехали, зашли в скромный номер, но с друзьями, как известно, рай в шалаше. «Братушки», по традиции, привезли ракию и всякий национальный закусон – мясо вяленое, брынзу. Пели, танцевали под магнитофон. Я малость, а вообще-то много, перебрал и, не помню, как и где, уснул...

Следующая сцена. Просыпаюсь, а глаза открыть боюсь. Потому что думаю: а я где? Если дома, то нормально, родители бухло простят, хоть и не сразу, но со временем. А если не дома? Страшно открывать глаза...

Открываю – не дома! Йех! А дальше... чувствую рядом чью-то, простите, попу, явно женскую, судя по мягкости и размерам. Всплывает очередной вопрос: попа-то чья? Если моей девушки, то, опять же, простят. Если нет – сливай воду. Теперь уже не глаза открыть, а повернуться боюсь. А по-вернуться надо, чтобы раскрыть смыслы. Поворачиваюсь медленно-медленно... Она! Ну, отлегло. Ну, я, естественно, алкоголик и прочее, но могло, как говорится, быть и хуже.

Огрызаюсь:

«Хоть я и.., говорю, но с братушками надо попрощаться».

Заходим в соседний номер, а там... вся наша компания сидит.

Галя смутилась:

«Все вы пьянь подзаборная!».

Пьянь так пьянь, но в коллективе-то, да к тому же комсомольском, презрение испытывать веселее!

Если даже ты пойдёшь налево

Вспомним Венедикта Ерофеева и его поэму «Москва – Петушки»:

«Идёт Минин, а навстречу ему – Пожарский.

«Ты какой-то странный сегодня, Минин, – сказал Пожарский, – как будто много выпил сегодня».

«Да и ты тоже странный, Пожарский, идёшь, на ходу спишь».

«Скажи мне по совести, Минин, сколько ты сегодня выпил?».

«Сейчас скажу: сначала 150 российской, потом 150 перцовой, 200 столичной, 550 кубанской и 700 грамм ерша. А ты?».

«А я ровно столько же, Минин».

«Так куда же ты идёшь, Пожарский?»

«Как куда? В Петушки, конечно. А ты Минин?»

«Так ведь я тоже в Петушки. Ты ведь, князь, совсем идёшь не в ту сторону!»

«Нет, это ты идёшь не туда, Минин».

Короче, они убедили друг дружку в том, что надо поворачивать обратно. Пожарский пошёл туда, куда шёл Минин, а Минин – туда, куда шёл Пожарский. И оба попали на Курский вокзал...».

Рискну предположить, что про Минина и Пожарского писатель Ерофеев у писателя Хармса подсмотрел. Тот в конце 70-х ходил в списках с рассказами про Пушкина-Гоголя-Толстого, изображёнными не совсем великими классиками, а вроде как выше Минин и Пожарский.

В то же время я уверен, что исключительно свою, творческую и больную душу Венедикт Васильевич выразил проще и понятней:

«Сколько раз я проходил по Москве, вдоль и поперёк, в здравом уме и в бесчувствиях, сколько раз проходил и ни разу не видел Кремля, я в поисках Кремля всегда наткнулся на Курский вокзал...»

Если даже ты пойдёшь налево – попадёшь на Курский вокзал; если прямо – всё равно на Курский вокзал; если направо – всё равно на Курский вокзал...».

Подумаешь глубже, и сам придёшь к выводу, что везде есть такое: пойдёшь налево, прямо, направо, а всё равно попадёшь к чему-то неизбежному.

Что есть неизбежное для работника райкома комсомола Киевского района Москвы? Куда всё равно попадёшь? На Киевский вокзал? Не-е-ет!

Ты выходишь из почти прилепленного к Министерству иностранных дел СССР двухэтажного здания, где тогда базировался Киевский РК ВЛКСМ. Отсюда быстро, всего-то минут за пятнадцать, можно дойти и до вождя Кремля. Но это смотря за чем дойти. После удачного заседания бюро, пленума или даже коротких посиделок в самом райкоме хочется не Кремль посмотреть, а... продолжить. И тогда ты направляешься в противоположную от Кремля сторону: переходишь Смоленскую площадь, Бородинский мост, движешься по Большой Дорогомиловской улице. Минуя Киевский вокзал (в Одессу мы уже ездили!), выходишь на Кутузовский проспект и оказываешься возле пивоваренного завода имени стойкого революционера, депутата IY (царской) Госдумы Алексея Бадаева.

Размышляю, что лучшего персонажа для переименования прежде Трёхгорного пивзавода в завод им. Бадаева даже придумать трудно.

В самом деле: член партии большевиков-ленинцев с 1904 года.

К 1938-му вырос до председателя Президиума Верховного Совета РСФСР.

И вот едет Алексей Егорович в 1943-м с государственным визитом в Монголию и Туву – тогда независимое государство. Так звонко выполнил свою миссию, что после поездки «подвиги» Бадаева в братских странах рассматриваются на заседании Политбюро ЦК ВКП (б). В принятом по этому поводу решении говорилось о том, что Центральному комитету стали известны факты безобразного поведения т. Бадаева во время пребывания его в качестве председателя делегации СССР на празднествах в Монгольской Народной Республике и Тувинской Народной Республике, порочащие его как председателя Президиума Верховного Совета РСФСР и члена ЦК ВКП(б).

Отмечается, что Бадаев во время пребывания в Монголии и Туве беспробудно пьянствовал. Будучи пьяным, терял чувство всякого личного достоинства и в своем антиморальном поведении опускался до того, что неоднократно приставал к женщинам и требовал, чтобы «доставили ему баб» для разврата.

В марте 1944-го Алексей Егорович Бадаев постановлением сессии Верховного Совета РСФСР освобождён от занимаемой должности. А после отстранения назначен... руководителем треста «Главпиво», и в этой должности пребывал до своей кончины в 1951-м году.

В 1934-м заводу присваивается имя Бадаева, однако обратно в Трёхгорный он переименовывается... только после горбачёвской перестройки. Казалось бы, историческая справедливость вернула что положено на свои места, да не тут-то было: в 1997-м году завод вновь получает наименование «Бадаевский» и последнее своё десятилетие с ним существует. Что ж сказать, чего пить – того не миновать.

Так почему вместо Кремля на Бадаевский завод? Станный вопрос. Там работают наши комсомольцы! С ними нужно обсудить насущные комсомольские дела. Проверить качество продукции, дегустируя марки пива, которые не всегда и задорого встречались только в столичных театральных буфетах: «Наша марка», «Двойное золотое», «Московское оригинальное», «Рижское оригинальное» – в таких симпатичных бутылочках по 0,33 литра.

А потом из цистерн в подвале накачать нефилтрованного пива: в тот период оно считалось ди-ковинкой, поскольку в принципе отсутствовало в магазинах и пивбарах, а присутствовало только на заводе.

В конце концов, по заводскому, по рабочему сварить в «простом» (читай «Жигулёвском») пиве сосиски – вкус изумительный! В общем, если тебе комсомолец имя – имя крепи делами своими!

Если этих дел не хватало, требовалось всего-ничего: пройти по Кутузовскому метров пятьсот – теперь как раз в сторону Кремля – и оказаться в ресторане «Украина», где тоже работала комсомольская организация. Для плодотворной дискуссии райкомовцы несли в ресторан свою водку, а местные комсомольцы организовывали закуску по приемлемым ценам.

В особо торжественных случаях мы добирались-таки почти до Кремля, а именно до ресторана «Прага» на Арбате. Тут пиво подавалось уже чешское. Само словосочетание «чешское пиво» не подразделялось на марки, а в целом имело синонимы «импортное», «отличное», «нигде не достанешь». А меню пестрело названиями каких-то неведомых блюд типа «жаркое из трёх мяс», «витки ветчинные», «кнедлики». В «Праге» «халява» уже не проходила, но посидеть рублей по пять-семь, а лучше по десятке на человека удавалось неплохо. Но вопрос-то не только в ценах: попасть в «Прагу» с улицы было вообще невозможно. Однако ж, если тебе «комсомолец из райкома» имя, то добро пожаловать.

Теперь комсомол тю-тю. А вместе с ним и Бадаевский пивзавод тю-тю: нету больше такого завода. И ресторан «Украина» тю-тю – только за ради Бога не путайте с новодельными ресторанами *внутри* перестроенной, «рэдиссоновской» гостиницы «Украина». А «Прага»? Закрыта «Прага»...

Ладно. Стало быть, сидим, и кушаем, и выпиваем. Но если выпиваешь, то произносишь тосты. Есть ли на свете комсомольские тосты? А как же!

Один из любимых – про комсомолку Машу. Те, кто слушал тост по двадцатому разу, тихо улыбались, кто по тридцатому – громко хохотали. Но попадали в компанию один-два-три человека, которые не слышали тост ни разу. В этом случае улыбались и хохотали над их реакцией.

Рассказываю.

Комсомолка Маша работала на бульдозере. Вдруг ковш бульдозера упёрся во что-то твёрдое и застрял. Комсомолка Маша вышла из кабины, пошуровала ломиком и наткнулась на древний мраморный саркофаг.

Маша не остановилась на достигнутом и не стала ждать реставраторов, а продолжила орудовать ломиком и поддела крышку саркофага. Её взору явился прекрасный юноша в одежде фараона. Он был настолько красив, что Маша обтёрла ветошкой испачканные руки, ополоснула под строительным краном лицо и... поцеловала юношу. Тот ожил!

И сказал:

– Маша, ты вернула меня к жизни. Я так долго спал. И за это я, обладающий волшебным даром, готов исполнить тринадцать любых твоих желаний!

Но у комсомолки Маши было только одно желание, и она попросила, чтобы красавец-юноша исполнил его... тринадцать раз.

Юноша начал исполнять желание, но на разу N (в зависимости от темперамента рассказчика цифра колеблется от трёх-четырёх до десяти, но до тринадцати всё равно не доходит) умер опять... Маша села и заплакала.

И тут следует собственно тост, в двух вариантах. Первый:

«Так выпьем же за то, чтобы наши комсомолки никогда не плакали!».

Второй (видимо, заимствованный из кинофильма «Кавказская пленница»):

«Так выпьем же за то, чтобы наши желания всегда совпадали с нашими возможностями!».

* * *

Продолжаю про налево-направо. Остался один действующий объект, совсем впритык к Кремлю, куда, или как минимум в сети которого, ты обязательно попадёшь, куда бы ни пошёл в бывшем Киевском районе. Особенно если молодой. Особенно если активный комсомолец. Особенно если ищешь себе... жену.

Никакие дореволюционные, перестроечные и постсоветские «вихри враждебные» не смогли ни-че-гошеньки совершить с этим объектом. Правда, удалось переименовать, но совсем чуть-чуть:

была ГБЛ – Государственная библиотека имени Владимира Ильича Ленина, а стала РГБ – Российская государственная библиотека. И ближе неё к Кремлёвской стене уже ничего нет!

В чём чудесная сила притяжения ГБЛ? Пива там нет, кнедников тоже. Книги, что ли?

Ответ допустимый, но не исчерпывающий. Да, продвинутый московский студент обязательно попадёт в главную библиотеку страны, чтобы почитать нужные книги. Но продвинутый студент, который ещё и комсомолец, да к тому же работник райкома комсомола попадёт сюда не только за книгами.

Я, сочетающий в одном лице все три названных позиции, пришёл в Главную Библиотеку сперва за книгами. И среди огромного числа обитателей города в городе заметил одну девушку. Кто она? Читательница или сотрудница? Раз заметил, два, стал искать взглядом при каждом посещении, потому что понравилась; понял, что сотрудница. Подойти познакомиться? Да как, столько народу бродит, неудобно...

Расшифруем имеющийся контекст. Работало в ГБЛ тогда около трёх тысяч сотрудников. Из них процентов 95 – женщины. Из них не менее трети – девушки-комсомолки, то есть целая тысяча! Куда им деваться и куда их девать? В смысле как помочь естественному стремлению к встречам-знакомствам с противоположным полом?

А это что, тоже задача комсомола? Конечно, и самая важная! Отсюда в ГБЛ устраивались вечера с приглашением представителей нужного пола из дружественных районных организаций. А «нужный пол», когда на каком-то предприятии оказывался в переизбытке, приглашал девушек из Библиотеки на свои вечера. Но райкомовцы-то ходили и туда, и сюда! На вечерах я опять увидел *ту* девушку. И опять не решился подойти.

Был у райкома такой формат работы: комсомольская учёба. Где-нибудь на подмосковной базе отдыха мы собирали актив «первичек» на несколько дней и заодно учились правильным методам комсомольского воздействия на массы. Тут вновь никак нельзя без девушек из ГБЛ! И опять она! Наконец, познакомились – её Галей звали – прогулялись, обменялись телефонами и... я уехал командиром стройотряда в Эстонию.

А когда вернулся через полтора месяца и пришёл в райком, снова увидел её, но теперь уже в другом качестве. Знакомьтесь, говорят товарищи, это инструктор отдела учащейся молодёжи Галина. Из ГБЛ к нам пришла. Да мы знакомы...

Снова песня крутится в голове: «Комсомол не просто возраст – комсомол моя судьба!». На свадьбе гуляли всей райкомовской «деревней». «Комсомольцы-добровольцы» почему-то не пели. Зато маршировали по залам, потом по улице и горланили «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!». В такт хорошо подходило. Но хитом вечера (ночи, утра) стала другая песня:

«... Так же дождь стучался в окно,
Только это было давно.
Где ты – мне теперь всё равно,
С кем ты – теперь всё равно».

В свадебную постель, которая, впрочем, по-комсомольски задорно была опробована значительно раньше получения искомых штампов в паспортах, мы с Галей упали часам к семи утра. А в восемь в комнату бесцеремонно вошёл уже пьяненький родственник по моей линии дядя Петя с тарелкой.

«Ну, молодая!» – сказал дядя Петя.

«Чего он хочет?» – шепнула мне на ухо Галя.

Дядя Петя грохнул тарелку об пол и воскликнул:

«Молодая, надо все осколки собрать!»

«Ну и мудака – твой дядя Петя! Он в комсомоле-то хоть был? А то лезет со своими патриархальными традициями», – сказала комсомольская жена Галя...

Я нить повествования не упустил. И не забыл про интригу, что пойдешь прямо, направо, налево. Поскольку всё равно попадёшь в Библиотеку Ленина. Потому что мой товарищ по райкому Гена Тенчин женился на девушке из ГБЛ через полгода. Витя Кочурин – через год. Саша Кононов – за год передо мной. Это не говоря уже о ребятах из дружественных райкомов. Так что кому на вокзал, а кому в Библиотеку.

Ленин, Крыленко, Кропф и огромный вибрам

А я всё любил походы и турслёты. Сначала по лесам Московской области. Потом по Кавказу. По Тянь-Шаню. По Алтаю. На Алтае с друзьями и подругами по туристскому отряду услышали, выучили, дополнили в соответствии с собственными ощущениями и начали театрально исполнять песню, доходчиво раскрывающую суть туризма. Автор первоначального текста, как часто бывает, неизвестен, но песня и вправду превратилась в бессмертную:

«Не успела во поле высохнуть роса,
Мы идём навьючены, выпучив глаза,
Впереди нас манит голубой простор,
А тропинка узкая вьётся между гор».

Почему «выпучив глаза»? Потому что вес рюкзака на выходе в двухнедельный поход – 25-27 кг. Палатки, спальники, жестяные банки с тушёнкой, «живая» картошка, буханки хлеба, примуса, бензин – такой набор подразумевал, конечно, некоторый вес. Более поздние поколения туристов это оптимизировали: мясо брали сублемированное, картошку доставали порошковую, примуса с бензином из канистры заменились на газовые горелки с аккуратными баллончиками. А мы пока шли «по классике».

«Мысли плотоядные вьются в голове,
Жареная курица ночью снилась мне,
Жрать тушёнку с кашею больше нету сил,
Кто же мне в палатке на морду наступил».

Сначала ели тушёнку с картошкой, которая вскоре кончалась, поскольку и её, и другие овощи брали только на первые дни похода. Потом вместе с неизменной тушёнкой употреблялись макароны и крупы. И запивались «варёным» в котелке или даже в ведре чаем. Мечталось о чём-нибудь вкусненьком. Пивка бы выпить, например. Да-да, с жареной курочкой!

«Отдых замечательный, тишь да благодать,
Целый день пытаемся инструктора догнать,
Целый день, шатаясь, идём под рюкзаком,
Ночью в речке моемся, а водку пьем потом».

Рюкзак выдавался «абалаковский» – конструкции знаменитого в прошлом горвосходителя Виталия Абалакова. С одной стороны, это лучше, чем военный заплечный мешок, прозванный «сидором». С другой – ну что, всё равно торба с двумя лямками, длину которых можно регулировать. Набьёшь «абалак» (что потяжелее на дно, что полегче наверх) всякой всячиной – получается большая подушка. Потом кустарно навяжешь сверху разное: например, палатку, спальник, канистру с бензином, тёплую куртку. «Скандинавские палочки» тогда, заметьте, ещё не внедрили; плечевые, грудные, поясные регуляторы рюкзака – тоже. Путешествовалось довольно некомфортно – вся нагрузка приходилась на ноги и плечи.

А водка и вправду была? Спрашиваете! Не для пира-балдежа – как потом идти? Так, на ночь, для сугрева, граммов по пятьдесят-семьдесят.

Однако... в какой-то момент водка кончалась. И ребята начинали водить носами: где бы достать ещё? Раз такое произошло, когда ходили по Уралу. Смотрим карту и видим, что в двадцати километрах от стоянки есть какое-то село. снаряжаем троих парней – вперёд! Парни дошли и выяснили, что в период летней страды в сельской местности объявляется сухой закон, и спиртное не продается.

«Дык сами мы не местные», – говорят продавцу в сельмаге.

«Тогда идите в сельсовет и рассказывайте о своих проблемах».

Правда, что ли? Оказалось правдой. Добрались до председателя сельсовета, тот предлагает:

«Пишите заявление с просьбой разрешить продажу водки и объясните, зачем вам это нужно».

Пишут:

«Нас тридцать человек (а в реальности было двенадцать), всё время идут дожди (так и было, природа нас в этом смысле поддержала), группа промокла и простудилась. Просим продать десять бутылок водки в целях профилактики простудных заболеваний».

Председатель «почесал репу», прикинул что-то на деревянных счётах, задумался и резюмировал:

«Бутылку на троих – многовато будет! Это, как у алкашей. А вот на четверых в самый раз. Подписываю разрешение на восемь пузырей»...

«Мысли банно-ванные выются в голове,
Сауна пахучая ночью снилась мне,
Был там душ сверкающий, унитаз там был,
Кто же мне в палатке на морду наступил».

А вот и не только в снах. И не с нас походное мытьё началось, а думаю, с совсем доисторических времён. Натыкаемся в лесу на избушку. В избушке печка, топим её, внутренность избушки прогреваем. Рядом с избушкой разводим костёр, кладём в него камни. Когда они нагреваются, носим в нагретую избушку. Плещем на камни воду, и получается пар. Потеем, и грязь с тела приятными такими ручейками стекает. Рядом ручей течёт, окунаемся в контрастно охлаждающую воду. И запахи чудесные идут: от костра, от стен избушки, от леса. Вот тебе натурально и сауна пахучая!

«Мысли сексуальные выются в голове,
Женщина раздетая ночью снилась мне,
Ночевать с одетыми больше нету сил,
Ну, кто же мне в палатке на морду наступил».

Тут совсем смешно. Женщина раздетая, может, и снится, а наяву... Когда ходили по Фанским горам на «Памиро-Алае», старались максимально облегчить рюкзаки. Но за счёт тёплых вещей этого делать никак нельзя. И додумались. Даже простые спальные мешки того времени имели функцию состёгивания между собой молниями, то есть из двух обычных мешков легко делался один большой. Зачем? Затем, что туда помещалось три человека, стало быть, на троих бралось только два мешка. Итого 2-3 кг веса долой!

Мы спали в палатке втроем: я с парнем Юрой по краям, а девушка Таня в серединке. поверьте, ощущения тепла было достаточно, и сексуальных желаний не возникало. Хотя спали-то в обнимку!

О завершении этой песни. После слов «Ну, кто же мне в палатке на морду наступил», вступал хор туристов: «Вибрамом (совковый ботинок-«промокашка» с рифлёной подошвой) а-гро-омны-ым... на морду наступил!».

В Фанских горах происходил зачётный поход в школе средней туристской подготовки, после чего я получил второй разряд и книжечку инструктора по туризму. И вот тут-то жизнь и свела меня с «крёстным папой» в отчаянном и красивом увлечении – мастером спорта международного класса по альпинизму Владимиром Кавуненко.

«Тебе, говорит, Саша, хватит заниматься всякой мутатой. Что это за рюкзак у тебя? Стыдобень! А одежда? Штормовка – это смешно. Песню «Выштопан на штормовке лавины предательский след» я хоть и люблю, но это совсем из прошлого. Какие теперь штормовки, когда нормальное снаряжение есть. Турист – так... Рюкзак как подушка, котелок закоптелый стучит. Езжай-ка ты в альплагерь. Правда, разряды свои туристские да удостоверения инструкторские можешь выкинуть, они там никому не интересны. Про туризм там и слова-то не произноси. Но ничего! Начнёшь реальную спортивную карьеру...».

Причём же здесь комсомол? Ну-у-у, дорогие мои. Комсомол – боевой соратник партии. И называется, напомним, ленинским. Так что начнём с начала, прямо с товарища Ленина.

Самарский исследователь и путешественник Сергей Карлин серьёзно занялся «горным прошлым» вождя мирового пролетариата и вот что накопал:

«...От друзей услышал, что в селе Ермаковском (ныне Красноярский край – авт.) живёт человек, который Ленина видал и что-то там для него делал. Они заинтересовались и решили человека навестить. Обозвали всё это «Исторически-поисковой экспедицией по Ленинским местам», в ЦК Комсомола выбили деньги и пошли на пятнадцать дней по Саянам «шарахаться».

В Ермаковское действительно заходили, но человека, «который с Лениным разговаривал», не застали, помер он к этому времени. А вот с его сыном Семёном Савеличем пообщались. Он рассказал, что батя его кузнецом в селе был и молодому Ильичу с женой наконечники острые для палок ковал, что-то такое на пешню похожее. Потом на железные пластины зубья стальные приклёпывал. Они их ремнями к сапогам прикручивали, чтоб по льду не скользить.

Сам Семён Савелич пояснил вот что:

– По рассказам батяни, трое их было. Жена молодая, он её в шутку Крупинкой называл. А третий, худой, бородка клинышком, в очках. Они его изначально, то Старик, то Борода звали, а когда вернулись, уважительно так о нём отзывались: «Это наш железный Лев!» И все вокруг его Лёвой потом звали. А ещё хромал он очень сильно, когда с гор спустились...

Вот такую информацию мы получили. Что должны были подумать? Бородка клинышком – у Троцкого была бородка клинышком. Очки – Троцкий в пенсне ходил. Имя Лев – Троцкого Лев Давидыч звали. А потом ещё прозвище Старик – одно время у Троцкого такой псевдоним был.

Все документы по этому вопросу в сталинские времена уничтожили, чтоб об их альпинистской дружбе никто не знал. Ведь у нас как трактовалось в советское время: Троцкий и Ленин, мол, непримиримые противники, а тут друзья выходит.

– И чем ваши изыскания закончились?

– Да ничем. Написали справку о проделанной работе, отчитались за потраченные деньги, хотели доклад на кафедре сделать, но нас с докладом развернули. Сказали, что всё это бездоказательно, документальной базы не имеет, и вообще на бред сивой кобылы похоже. Где ж это видано, чтоб такой серьёзный человек как Ленин, вождь всего мирового пролетариата, можно сказать, такими пустяками, как альпинизм занимался?! Так и осталась эта история как занимательная байка. А сейчас, наверное, уже и сын того кузнеца Семён Савельич помер, так что концов не найти...

Со временем эта тема как-то подзатёрлась, и оставшийся вопрос меня особо-то и не волновал. Но вот как-то пришли мы в гости к нашим друзьям, а на пороге громким мяуканьем встречает огромный кот с великолепной гривой. Я пошутил:

– Да у вас тут настоящий кот мартовский обитает!

А кто-то усмехнулся в ответ:

– Да скорее уж мартовский лев, судя по воротнику!

«Мартовский лев, мартовский лев...», – повторял я про себя, сидя в кресле и поглаживая красавца-кота. И вдруг как прозрение: «Мартов!!! Лев Мартов! Вот кто был тогда в Ермаковском!»

Лев Мартов – псевдоним Юлия Осиповича Цедербаума, близкого друга Ленина, чуть ли не единственного к кому Ильич обращался на «ты». Вместе с Лениным в 1896-м году сослан в Енисейский край, только Ленин на юг, в предгорье Саян, в Шушенское, а Цедербаум на север, в Туруханский край. И у обоих ссылка закончилась одновременно весной 1900-го года, так что Мартов вполне мог ходить в Саянах с Лениным либо в 1896-м, либо в 1900-м.

Я внимательно стал читать всю найденную в интернете информацию по Мартову и выяснил, что хромал он с детства. Его маленького уронила няня и не сказала никому об этом. Нога, видимо, была сломана и срослась неправильно. Хромота его была порой не заметна, а порой резко бросалась в глаза. Так что это не результат падения в горах, а всего лишь вина нянечки...».

Легенда? Может, и легенда. Но какие-то документы пытливым Карлин разыскал и даже снял с них копии. В частности, выдержки из докладной записки в четвёртое отделение жандармерии города Красноярска, от урядника Минусинска Степанова В.И., датированной двадцать третьим марта 1897-го года.

«...Так же докладываю, что находящийся под гласным полицейским надзором политссылный Цедербаум Юлий 29-го числа месяца апреля сего года встретился в Минусинске с политссылным Ульяновым Владимиром и его женой Надеждой, сохранившей за собой девичью фамилию Крупская. Оные люди так же находятся под гласным надзором полиции. На оную встречу и у Ульянова, и у Цедербаума имелось разрешение от вышестоящей инстанции. В соответствии с предъявленной бумагой, за подписью губернатора края, оказал посильное содействие в их, на мой взгляд, безумной и бессмысленной затее, водрузить флаг Российской империи на высшей точке Ергакского хребта.

Первого мая Цедербаум, Ульянов и Крупская в сопровождении двух надзирателей-фискалов Прошкина и Тимохина, на предоставленной им подводе, отбыли в село Ермаковское. По докладу Прошкина, в Ермаковском они остановились у сельского кузнеца Савелия Ермакова, где прожили три дни. За это время крамольных разговоров не вели, поведение соответствовало циркулярному предписанию. По просьбе Ульянова кузнец изготовил железные наконечники подобие пики в количестве трёх штук и насадил их на прочные древки.

При содействии кузнеца поднадзорные раздобыли проводника-охотника и лошадей и пятого мая вышли в тайгу. Целую неделю, по словам Прошкина, ссыльные Ульянов и Цедербаум неоднократно уходили вверх на хребет в разных его местах. Иногда к ним присоединялась Крупская, но выполнили ли они данное губернатору обещание, ни Тимохин, ни Прошкин подтвердить не могут, так как оставались на биваке, сами на Камень не поднимались, а снизу наблюдать действия поднадзорных не представлялось возможности. 18-го мая и поднадзорные, и надзиратели возвратились в Ермаковское...».

Ну, допустим! И что? И всё? Ленин вдохновил грядущие поколения на альпинистские подвиги? Так не он один! Возьмём-ка Николая Васильевича Крыленко – Верховного главнокомандующего российской армией после Октябрьской Революции, а в дальнейшем – народного комиссара юстиции СССР. Но для нашей повестки дня Крыленко интересен как председатель Центрального совета Общества пролетарского туризма и экскурсий.

Вот некоторые его цитаты образца 1934-го года:

«О значении высокогорного альпинизма как одного из лучших средств отдыха для туристов сейчас не может быть двух мнений. Для здоровых в основном людей с здоровым сердцем и легкими и физически крепких, как бы они ни были утомлены физическим или умственным трудом, как бы ни была потрепана их нервная система, нет лучшего средства для отдыха и укрепления организма, как высокогорный туризм.

Чистый горный воздух, своеобразные формы туристской жизни в горах, ночёвки под открытым небом, умеренная и отнюдь не изнеживающая пища – всё это прекрасно поднимает жизнедеятельность человеческого организма».

И легенда про Владимира Ильича приобретает рядом с Николаем Крыленко новые очертания.

В 1914-м году, в Швейцарии он вместе с Лениным совершает восхождение на трёхтысячную альпийскую вершину Раше-Дене.

«Было нас четыре человека, – вспоминал потом Крыленко. – Владимир Ильич шёл впереди с рюкзаком за плечами, как самый заядлый турист, а ходил он превосходно с точки зрения физической выносливости».

В 1935-м году даже выпустили книгу под названием «Ленин и альпинизм».

Что касается самого Крыленко, то в 1928-м, в послеленинский период, он возглавляет альпинистский отряд советско-германской Памирской высокогорной экспедиции. Где рядовым членом шёл, например, заместитель наркома просвещения и будущий известный исследователь Арктики, академик и Герой Советского Союза Отто Шмидт.

В 1929-м Крыленко предпринимает попытку покорить самую высокую вершину СССР – пик Ленина (7495 м). Достигнув отметки 6850 м, он стал первым советским альпинистом, побывавшим на такой высоте, установив тем самым рекорд в подъеме на высочайшие вершины страны.

В числе первых в 1934-м получает звание заслуженного мастера альпинизма, только что установленное Центральным советом Общества пролетарского туризма и экскурсий...

Ну и заключительная, но совсем не завершающая цикл довоенных хроник история, показывающая, что альпинизм вполне претендовал на звание комсомольского и коммунистического вида спорта.

Австриец Фердинанд Кропф родился в 1914-м году на Адриатическом побережье Австро-Венгрии в городе Триест. С 1927-го начал свой путь в альпинизме – совершал восхождения в Альпах; активно занимался горными лыжами.

Как и многие представители немецкой молодежи, Фердинанд политически активен: в 15 лет вступает в молодежную организацию «Красные Соколы», затем в «Союз Социалистической Молодёжи». Потом примкнул к левой военизированной организации социал-демократической партии «Шуцбунд» («Союз обороны»). Однако в 1933-м к власти в Австрии приходят сторонники фашистов, и «Шуцбунд» официально запрещают: левые вынуждены уйти в подполье, а в феврале 1934-го поднимают восстание.

Для подавления восстания правительство привлекло армию: полевую артиллерию, минометы, удушающие газы.

Участников выступления расстреливали без суда и следствия прямо на улице. Восстание подавили. И всем «засветившимся» нельзя было оставаться в Австрии, где по отношению к ним велся политический сыск и репрессии. Фердинанд Кропф и три сотни шуцбундовцев перебираются в СССР.

Что определило выбор Кропфа? Он самозабвенно любил горы и стремился увидеть Кавказ, Памир и Тянь-Шань. Уже в 1935-м Фердинанд с товарищами приезжает на Кавказ в Баксанское ущелье, в альпинистский лагерь «Адыл-су», и совершает первые кавказские восхождения.

Австрийские альпинисты – шуцбундовцы организовали первые в СССР курсы по повышению квалификации инструкторов альпинизма, горную школу высшего мастерства – «Bergsteigerchule». Половину преподавательского состава школы составили одиннадцать австрийских профессиональных альпинистских инструкторов. За первый же год они подготовили 168 инструкторов альпинизма. Фердинанд Кропф активно участвовал в этой работе.

Не Ленина, не Крыленко, а Фердинанда Кропфа называют родоначальником советского альпинизма...

С 1935-го прошло семь лет. 17 августа 1942 года группа немецких альпинистов, руководимая гауптманом 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» Хайнцем Гротом (я застал деда в живых – он, почтенный германский судья, умер в 1994-м)...

Впрочем, не будем спешить. Давно известно, что двуглавый Эльбрус является высочайшей вершиной Европы (5621 и 5642 м). Данное обстоятельство привлекало к нему внимание восходителей с начала XIX века. А в 30-е годы XX века счет восходителям пошел на тысячи — в рамках армейских и гражданских (включая колхозно-совхозные) альпиниад на Эльбрус восходили по несколько сотен участников одновременно. В 1940 году на территории СССР действовало 40 альплагерей, где ежегодно проходили подготовку до 30 тысяч альпинистов.

«В 1935 году мне исполнилось 17 лет, – рассказывала мне много позже Любовь Кропф, супруга Фердинанда Алоизовича. – Я перешла в 10-й класс, но уже была инструктором по альпинизму. В августе мы проводили альпиниаду Кабардино-Балкарии. Вблизи Чегета разбили лагерь, куда каждый колхоз, совхоз доставлял свою комсомольскую команду, обеспечивая её транспортом (ишаками), палатками, продуктами. Имелись у нас спасотряды, впервые на Эльбрусе использовались радиостанции. Четырьмя колоннами мы подняли на Эльбрус 638 человек...».

Сейчас индивидуальное восхождение на Эльбрус считается почти подвигом, а тогда вошли почти строем, четырьмя колоннами комсомольцев, в «колхозном» снаряжении...

Бывали здесь в ту пору и зарубежные «комсомольцы» из числа офицеров германского рейха. Все правильно у Высоцкого: «А до войны вот этот склон немецкий парень брал с тобою». Потом немецкий парень появился здесь опять. В Приэльбрусье вошли 1-я горнострелковая дивизия «Эдельвейс» генерал-лейтенанта Ланца и 4-я горнострелковая генерал-майора Эгельзеера. Дивизии комплектовались исключительно из альпинистов, горнолыжников, горных стрелков, имевших опыт ведения боевых действий в горах, оснащались специальным снаряжением и числились в ряду лучших соединений немецкой армии.

«Немецкий парень» встретился уже не с нашими комсомольцами-альпинистами, так как с началом мобилизации их стали призывать в армию на общих основаниях, и они оказались рассеянными по разным фронтам и широтам.

«Парень» встретился с бойцами по названию горнострелковых, а на деле не приспособленных для войны в горах частей. Отличие их от обычных подразделений заключалось лишь в том, что автомобильный транспорт частично заменялся на вьючный, а артиллерийское вооружение было несколько облегченным. Необходимая горная подготовка, снаряжение в этих соединениях отсутствовали. Полбеда, если необученные воины погибали в немногочисленных боях, но нередко дело не доходило и до боя: замерзали, проваливались в трещины, задыхались в лавинах.

В 42-м, в разгар горной войны, наступило «прозрение»: верховный главнокомандующий Иосиф Сталин отдал приказ собирать альпинистов по всем частям и отправлять на Кавказ. В полках появилось по 1–2 инструктора альпинизма на всех. Но время оказалось упущенным – немцы прочно встали на ключевых перевалах.

И, стало быть, 17 августа 1942 года Хайнц Грот вышел на перевал Хотютау. В бинокль увидели «Приют Одиннадцати» (небольшая гостиница без всяких удобств, похожая на дирижабль: построена в 1939 году на высоте 4200 м, сгорела в 1999 году) и людей в военной форме на нем: на Приюте находилось отделение солдат во главе с лейтенантом и трое зимовщиков.

Дальше Грот предпринял необычный ход: в одиночку и без оружия, с белым полотенцем, он, пересекая ледники, взобрался на Приют и начал жестами и рисунками разъяснять присутствующим

щим, что обстановка для них сложилась неблагоприятная. В заключение предложил убираться на все четыре стороны, что и было сделано после бурных обсуждений без единого выстрела. Вскоре на вершине взвились штандарты со свастикой. «Комсомольцы» из «Эдельвейса» переиграли наших большевиков...

Комсомолка Любовь Кропф участвовала в формировании альпинистских разведгрупп на Кавказе. Они «садились» на перевалы, на вершины и наблюдали за передвижениями немцев. После этих «посиделок» (ничего себе «посиделки»: зимой, без огня, на высоте) рождались песни. Самую известную, «Баксанскую», начали разведчики-альпинисты Любовь Коротаева и Андрей Грязнов:

Где снега тропинки заметают,
Где лавины грозные шумят,
Эту песнь сложил и распевает
Альпинистов боевой отряд.
Нам в боях родными стали горы,
Не страшны туманы и пурга,
Дан приказ – недолги были сборы
На разведку в логово врага.
Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку в ней
На скалистом гребне для грядущих дней?...

Почему начали? Потому что дополнили песню Николай Моренец и Николай Персиянинов, а потом и другие – стала песня коллективной.

В период моей альпинистской юности Коротаева и Моренец здравствовали и даже выбирались в горы. У Николая Моренца есть ещё одна песня, которая «делит первенство» с Баксанской:

«Мне не забыть той долины,
Холмик из серых камней...
И ледоруб в середину
Воткнул руками друзей.
Ветер тихонько колышет,
Гнет барбарисовый куст...
Парень уснул и не слышит
Песен сердечную грусть...»

От событий 17 августа 1942 года перенесёмся ровно в тот же день, но 36 лет спустя. В горах Западного Кавказа группа из пяти альпинистов спускалась с вершины горы Трапедия в альплагерь Узункол. Остановились на ночлег на высоте 3900 метров.

Рассказывает Владимир Кавуненко:

«Проснулся я от странного ощущения, что в палатку проник кто-то посторонний. Высунул голову из спального мешка и замер. На высоте около метра от пола плыл ярко-жёлтый шар величиной с теннисный мяч.

Что это такое, – подумал я, и в тот же момент шар исчез в спальном мешке Коровина. Раздался дикий крик, «мяч» выскочил из мешка и начал «ходить» по остальным. Когда шар прожёт и мой мешок, я почувствовал адскую боль, словно меня жгли сварочным аппаратом, и потерял сознание.

Через какое-то время, придя в себя, я увидел всё тот же жёлтый шар, который методически, соблюдая только ему известную очерёдность, проникал в мешки, и каждое такое посещение вызывало отчаянный, нечеловеческий вопль. Этот ужас повторился несколько раз.

Потом шар исчез. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, тело превратилось в очаг огня. Пытался связаться по радиации с лагерем, но радиация не работала. Но при отсутствии связи в условленное время из лагеря выходит спасотряд. Через сутки пришли спасатели и снесли нас вниз.

В больнице, куда всех доставили вертолётном, у меня насчитали семь ран. То были не ожоги: просто куски мышц, вырванные до костей. Аналогично у моих друзей – Шитинина, Карпова, Башкирова. А Коровина шар убил, возможно, потому, что его мешок лежал на резиновом коврикe и был изолирован от земли...».

Много трагического в альпинизме. И много мистического. И всё связано между собой. В ночь с шаровой молнией друг Владимира Кавуненко, а мой просто знакомый Юрий Визбор сидел в Узунколе и сочинял песню:

Свечка темно горит,
Дождик в окно стучит,
Лето – сплошной обман,
В соснах висит туман.
Непогода в горах, непогода,
В эту смену с погодой прокол,
Будто плачет о ком-то природа
В нашем лагере Узункол.
Нам-то что? Мы в тепле и в уюте
И весь вечер гоняем чай,
Лишь бы те, кто сейчас на маршруте,
Завтра в лагерь спуститься б смогли.
Врут все мои друзья,
Что, мол, придёт рассвет,
Что, дескать, есть края,
Где непогоды нет...

А я воспитывался как альпинист как раз в Узунколе, в других кавказских, потом азиатских лагерях и накапливал свои истории.

В альплагере Алай в Киргизии, где тот же Кавуненко работал начальником учебной части, мы шестером пошли на довольно сложное восхождение: трое москвичей и трое ребят из Новосибирска. По ходу маршрута предстояло пройти длинный, около километра, фирновый (фирн – очень плотный снег), с наледями склон. Идём на «кошках»; для незнающих – это такие конструкции с зубьями на ботинки, для хождения по льду. На сложных участках положено связываться в двойки или тройки и страховать друг друга, но сибиряки – смелые и бойкие: зачем? Сколько времени уйдёт! Склон несложный, быстро проскочим.

Одному из новосибирцев и этого мало: то вперёд всей группы забежит, то назад вернётся. И вот видим: поскользнулся, упал, пытался зарубиться ледорубом, да не получилось. Пролетел мимо нас, а потом, набирая скорость, и дальше, цепляясь по пути за камни, теряя рюкзак, ледоруб, варежки, шапку – всего летел метров пятьсот.

Мы, конечно, на спуск, вниз, к нему. Нашли. В крови, но дышит и даже в сознании. Тем временем солнышко начинает припекать, и по склону камни пошли – находится опасно. Давай оттащить парня в сторону. И вот тут-то я вспомнил фильмы, где альпинист спасает товарища: несёт его на руках или сажает на спину. Бред! Мы впятером еле пронесли раненного метров на двадцать в сторону от камнепада: и нести неудобно, и парню очень больно, может просто-напросто умереть от болевого шока.

От места, где мы находились до лагеря вниз, без поклажи, быстрым темпом часа два. Послали гонца, а сами пытаемся обустроить как-то поудобнее пацана, чаем напоить. А он в полубессознательном состоянии, стонет только. Часов через пять прибежали человек тридцать «спасов» со специальными носилками – акья называются, такая алюминиевая штука, похожая на лодку. Вкололи пострадавшему обезболивающего, понесли в лагерь. Оказалось сотрясение мозга, множественные ушибы и переломы.

В альплагерях существовал железный порядок, и подобные случаи без внимания, мягко говоря, не оставались. Вот и сейчас назначили комиссию, затеяли «разбор полётов». В итоге вынесли решение: нас пятерых за нарушение правил безопасного восхождения дисквалифицировать и до конца сезона к сложным восхождениям не допускать...

Много в альпинизме и высокого, буквально и переносно. В 1982-м, моём последнем комсомольском году, наши советские ребята впервые вошли на Эверест – высочайшую вершину мира...

Снова поставлю вопрос: как всё это связано с комсомолом? И отвечу: чем дальше в сторону движения в развитии социализму, тем всё меньше становилось связано. В альплагерях в принципе не интересовались, кто комсомолец, кто коммунист, а кто ни тот, ни другой. И Ленина не вспоминали, и Крыленко. Думаю, что это стоит квалифицировать как незапланированный ответ на повсеместный рост формализма и бюрократизма.

Не очень хочется писать об этом, но в начале 80-х три четверти времени в райкомовской (горкомовской, цэковской) работе занимало написание всяких бумаг, имеющих отдалённое отношение к действительности. Впрочем, и это мы воспринимали скорее не с горечью, а со здоровым комсомольским юмором.

Скажем, в начале своей райкомовской карьеры получаю команду сверху: за два дня подготовить справку о работе с трудными подростками по месту жительства. Днём бегаю, высунувши язык, по ЖЭКам, беседую с педагогами-организаторами (была такая штатная должность), с самими «трудными». Ночью пишу искомую справку, подробную и правдивую.

Старшие товарищи посмеиваются:

«Молодец, говорят, только тебе как раз за правдивость, не дотягивающую до нужных показателей, в горкоме шею и намылят».

«А как нужно поступить?».

«Бегать никуда не надо. Надо просто сесть и написать что нужно».

Через три дня следующая команда: сделать отчёт о состоянии комсомольской политучёбы. Никуда не бегу, сажусь и пишу отчёт. Какой нужно. Его принимают, а меня хвалят...

На одних горах свет клином не сошёлся. На рубеже десятилетий – 70-х и 80-х выбрался на Урал, в конный поход. Непролазные места. Когда пройдёт дождь, лесные, просёлочные дороги так размывает, что на автомобиле по ним не проедешь. Но на лошади можно! Что мы и делали в течение двух недель.

Интересное ли это дело, езда на лошади? Совсем нет, если шагом, спокойно, едешь и едешь, скучно и нудно. Рысью (попробуй, научись – хоть строевой, хоть учебной) или галопом, конечно, веселей. Узнал я за эти дни, что такое лошадь, что от неё можно требовать, а чего бояться.

А Урал? Больше всего запомнился пеший поход! На вторую по высоте гору Урала, Ирмель. Дело не в абсолютной высоте – 1582 метра, ничто даже по кавказским меркам, и не сложность восхождения, не длительность. Совсем другое: вышли с поляны в лиственном лесу, где оставили лошадей. Через тридцать минут – смешанный лес, через час – хвойный, через полтора часа – кустарник; ещё немного – только высокие травы, альпийские луга, другими словами. Три часа прошло – уже только мхи, лишайники, а дальше камни, россыпи камней. Выходит, все климатические зоны проходились за три-четыре часа. Где увидишь такой ботанический сад?

И на Кавказе, и на Урале я на практике понял, что человек может привыкнуть действительно ко всему. В «лошадином» походе постоянно шёл дождь. Сначала он вызывал чувство неуютности и разочарования (зачем я сюда залез и скорее бы всё кончилось). Костёр развести трудно в дождь.

Потом оттенки ощущений изменились: было бы лучше, если солнце, но и так ничего, вечером у костра (который теперь загорался почему-то быстрее) посушимся. А дней три-четыре-пять спустя, примерно, так: придём на стоянку, разведём костёр, поедим, поболтаем. Ой, нога одна промокла, поскольку лошадь вёл в поводу, ну да ничего, есть запасные носки. И домой не хочется, и о солнце мыслей нет.

Лошадь мою звали Малышка. Капризная, как и большинство женщин. Но потихоньку нашли общий язык. Отпилил берёзовый кругляшок-чурбачок, выжег на нём её имя раскалённым гвоздём, повесил на ленте на шею лошадке. Успокоилась и носила. Они ведь, женщины, капризничают не со зла, а по природе...

Очередной сезон в альплагере становился для меня способом оторваться от собраний и заседаний, проверок и отчётов, короткой причёски и галстука. Более того: в лагере я и не упоминал, что работаю в райкоме комсомола, да ещё на высокой должности, говорил, что, мол, журналист. Из «Московского комсомольца».

Вот такое получалось причудливое сочетание: с одной стороны, всесоюзный ленинский союз, с другой – полнейший антикомсомолизм.

Да мы понимали это, понимали. И пытались изобретать собственные, комсомольские виды спорта, за которыми не нужно лазать в горы. Самым популярным видом считался субботник, тем более, что явка на него предполагалась добровольная, но обязательная.

Идём, скажем, на Поклонную гору. Я помню, как ещё в пионерском возрасте сажал там деревья к 20-летию Победы. Теперь эти деревья вырубам, роём ямы, перетаскиваем грунт с места на ме-

сто. Привожу на субботник человек пятьсот комсомольцев, а бригадир из работающей на Поклонке конторы говорит:

«Пусть все распишутся за технику безопасности».

Один ушлый комсомолец настаивает:

«Я не стану расписываться! Проведите реальный инструктаж, тогда и распишусь».

Бригадир свирепеет:

«Хорошо, слушайте сюда. Лопатами по голове друг другу не бить! В землю не закапывать! Деревья и кусты поедать не надо!! Всё понятно?...».

Ну, покопаем, потаскаем, покурим. Без фанатизма, естественно. Дольше обеда добровольно никто не работал. Обязательно – тоже. Расползались по кустам, доставали бутерброды и напитки, сами понимаете, какие. Когда домой приходили за полночь, родные интересовались, почему так поздно.

«Субботник, однако – комсомольское поручение. Непонятно, что ли?!».

Настоящий спорт тоже был! Выдумали однажды «Филёвскую милю». Как известно, мили в каждой стране измеряются по-своему. Мы проложили оптимальный маршрут по улицам Филей и определили длину мили в шесть километров.

Бегали с энтузиазмом и красиво: с атрибутикой, призами и последующей баней в ведомственном спорткомплексе. В забеге участвовало по тысяче и больше человек. В баню все, конечно, не умещались, отсюда кому блатная баня, а кому – «спасибо за участие» и пластмассовый значок...

Битва за «Метлу»

Есть в жизни объекты, называемые в технической науке «бифуркационными», то есть раздвоенными и вызывающими качественные «непонятки» и перестройки. В нашей гуманитарной жизни бифуркационным объектом стало кафе «Метелица» на Калининском проспекте – теперь Новый Арбат.

Почему именно оно? Даже в застой кафешек было много. А вот как-то так. Открылась «Метелица» в конце 60-х, когда вводился в строй этот самый проспект, его дальше назовут «вставной челюстью Москвы».

И стало культовым. В чём культ? В песне, например:

А у кафе «Метелица»
Два мужика метелятся.
И пыль туманом стелется,
Аж не видать ничё.
В столпотвореньи улица,
Народ глядит, любитесь.
И просит, хоть и жмурится,
Давай, давай ещё....

Правдивый культ. Вообще, чёрт его знает с этими культурами. Почему прилепляются туда и не прилепляются сюда? Сложный и, предполагаю, неразрешимый вопрос.

Ну, так к «Метелице». Кто-то из понимающих людей отзывался:

«Если вы не были в «Метелице», значит, вы не учились в Москве и вообще в ней не жили. Просторный зал, огромная очередь, вход 3 р. 50 коп. На чек давали коктейль б/а, мороженое, яйцо с икрой и кофе. Постоянным посетителям (кто знал) можно было пройти в кафе через находящуюся рядом пельменную».

Это, так сказать, первое дно или вообще поверхность. Следующее дно – фарца. Что фарцевали? Виниловые диски – однозначно. И в самом кафе, и у дверей, и в близлежащих дворах. Сам лично покупал «Deer Purple» за тридцать рублей, «Wings» (группа Пола Маккартни после распада битлов) – за сорок. То есть на треть моей тогдашней зарплаты. Бывали диски и по сотне.

Прослушать на месте, в отсутствие нынешней техники, было нельзя, и ходили слухи-анекдоты о том, как очередной лох, купив диск за баснословные деньги, дрожащими руками ставил его на проигрыватель и слышал... хор Пятницкого.

Сигареты «Marlboro» уходили за рубль – рубль пятьдесят пачка.

Жвачка. Настоящая, уж не помню, сколько! Не та советская, что уже продавалась в магазинах и походила на варёный листик.

Вот ещё одно воспоминание:

«На сленге «Метелица» звалась «Метлой» и была кафе-мороженым, где собиралась золотая молодежь. В 1970-е здесь происходили сейшены так называемых кавер-бендов, исполнявших песни «Beatles» и других групп. В то время работали подпольные менеджеры, которые под предлогом успешной защиты диссертации, встречи выпускников или дня рождения снимали целое кафе. И вместо юбилея устраивали подпольные концерты, на которые распространяли билеты по три-пять рублей. В цену билета входил резерв столика, на котором стояла бутылка вина или водки, закуска. А деньги шли музыкантам, менеджеру и на взятку какому-то администратору».

Будем считать это вторым дном. Третье дно – наркотики. Да-да, и в то время. Диалог в туалете:

«Дрянь есть?».

«А тебе покурить?».

«Нет, ширнуться».

«Ну, судя по твоему прикиду, капусты (денег – авт.) у тебя таких нет...».

Четвёртое дно (а сколько их всего – я и не знаю, да и вряд ли кто знает) – девушки. Сначала просто девушки: они толклись на улице и осаждали вход, чтобы просто попасть в «Метлу». Там танцы. Там ребята. Сейчас кажется бредом, что любой негр из залупонской африканской страны рассматривался выгодной партией. Но рассматривался! Как минимум, мог подарить что-нибудь импортное. Как максимум, взять в жёны и увезти из «совка». Куда? В зарубежье! Не понимали девушки пока, что такое африканское зарубежье.

Потом девушки-проститутки. Глубочайшим образом законспирированная категория. Тут уже не подарки и не эмиграция – тут заработок. В нужный момент, почувствовав внимание, приоткрывает какую-то часть туалета, а там на бумажке, на подошве туфли или даже на теле написана цена. В рублях. Долларовых проституток в «Метле» не встречалось – они паслись в «Интуристах», под серьёзным прикрытием, поскольку за доллары при Советах грозил срок.

А комсомол что? А комсомол боролся! КООД – комсомольский оперативный отряд дружинников, ближайший сподвижник милиции. Прав мало, но устрашение есть. Задержали кого-то неформально, беседуем. Если возникает подозрение в незаконной деятельности, вызываем милицейский наряд. Ну, например, так. У одного смугленького обнаружена сумка, а в ней пар десять джинсов. Ага, попался! Приезжает милиция, спрашивает:

«Тебе зачем столько? Продавать?»

«Нет, – отвечает, – дарить».

«За какие подвиги дарить?».

«За любовь!».

Кстати, оперотрядовцы изымали у фарцовщиков диски. Перед сдачей в компетентные органы мы их «за бесплатно» переписывали на магнитофоны. Такая вот двойная философия.

КООД – не моё, конечно, моё – идеология. Пытались вставлять в программу вечеров в «Метле» нормальные художественные коллективы; старались распространять билеты среди своих комсомольцев, «стойких ленинцев». Такого рода кампании вызывали стойкое неприятие у завсегдатаев культового кафе:

«Это наша «Метла». Не будет вам тут комсомольских собраний. У.....е отсюда!».

Но мы честно боролись. Создавали на базе «Метлы» «правильные» молодёжные объединения. Успех пришёл, когда внедрили формат дискотеки. Два проигрывателя, несколько мощных динамиков – всего и делов! Тем не менее, тогда это считалось чем-то диковинным.

Дальше – больше. При горьком комсомола организовали «Рок-лабораторию», из которой вышли многие известные группы. С одной стороны – те же длинноволосые неформалы, с другой – под комсомольским надзором, с согласованными текстами...

Стоит вспомнить и такое культовое место, как «Горбушка». Нет-нет, не торговый центр, а ДК имени Сергея Петровича Горбунова, причастного к созданию советского авиапрома. Рядом-то располагался авиационный, а точнее ракетно-космический завод имени Михаила Васильевича Хруничева, Героя Социалистического Труда и бывшего министра авиапромышленности СССР.

Здесь всё складывалось значительно успешнее, чем в «Метле». Что имеется в виду? Так концепция иная!. Оценив авторскую песню, а затем и движение КСП – клубов самодеятельной песни как безобидное для коммунистической идеологии, партия отдала его на откуп комсомолу: занимайтесь, мол, ребята.

И представьте себе, организаторы КСП несли программу клубных встреч – а там, например, целый Булат Окуджава, – в райком комсомола. А мы, замирая от ощущения собственного величия и одновременно от смущения перед авторитетами, её, конечно же, утверждали. А как же: я на горшок ходил, а Булат Шалвович уже был авторитетом! И не он один. Даже и не знаю, кто из известных бардов, артистов, музыкантов не прошёл через «Горбушку».

Один путь привлечения авторитетов – усилия организаторов КСП по формированию программы клубных встреч: здесь Сергей и Татьяна Никитины, Юлий Ким, Александр Городницкий, да смысла нет перечислять, здесь все!

Другой путь – любые знакомства, позволяющие пригласить в «Горбушку» интересную личность. Вот несколько штрихов, оставшихся в памяти.

У Людмилы Тарасовой, комсомольского лидера магазина «Весна» на Калининском проспекте, папа работал в театре Ленинского комсомола начальником... пожарной охраны.

«А папа сможет попросить кого-то из театра выступить на молодёжном вечере в «Горбушке?»».

«Папа сможет! А кто нужен?».

Посоветовались «ближним кругом» и решили, что нужен Николай Караченцов, тогда стремительно набиравший популярность – один спектакль «Юнона и Авось» чего стоил. Артист приехал и блестяще выступил с серией импровизаций: сцены из спектаклей Ленкома, стихи, песни.

В «Горбушке» исправно работал буфет, где водились и пиво, и вино, и водочка. Пьяненькие заводские комсомольцы кричали из зала:

«Коля, а Высоцкого могёшь?».

«Могу», – отвечал Коля, и врубал Высоцкого.

Ансамбль «Аракс» из Ленкома сагитировали на «Горбушку». Сергей Беликов был отчаянным прозападным рокером. Как потом превратился в исполнителя песен про российскую «деревеньку», сложно сказать.

У моего райкомовского инструктора Славы Друганова отец работал на телевизионном заводе «Рубин». Как-то пришлось «решать вопрос» с доставкой цветного телевизора уже многократно упомянутому мной Юрию Визбору. Тот благодарил и, как водится, обещал выступить, коли будет востребовано. Вот и востребовалось.

Сколько раз впоследствии я слышал от него фразы типа «Как честный человек, я пошёл служить в армию». Но ещё больше слышал «Милую мою, солнышко лесное» и «Узункольскую» («Непогода в горах, непогода»), и это не приедалось.

А вот Окуджава в роли «изрекателя» мудрых истин, честно говоря, поднадоел. Спрашивают его: «Что бы Вы сделали, если бы завтра получили предложение стать секретарём Союза писателей СССР?».

Отвечает:

«Послезавтра подал бы в отставку».

Или:

«Что касается просьб, я их выполнять не буду – у меня уже намечена программа».

Как-то мне показалось не очень...

А вот Юлий Ким зажигал и зажигался сам, смеялся без специального позирования, а по-доброму, искренне. Тогда, в «Горбушке», я совсем по-новому взглянул на фонвизинский «Недоросль». «Жуплеты Вральмана» в исполнении Кима – это просто шедевр:

Митрофанхен, друг мой, сфетик,

Ты послушай старишка:

Никакой грамматик и ни арифметик

Не нужны твоей башка.

И зачем привез царь Петер

Для навоз одеколонь?

Как это по-русски будет, донер веттер, –

Этот корм не в этот конь!...

Ваш страна особый случай,
Разобраться мудрено:
Кто у вас учитель, кто обычный кучер –
Или всё это одно?
Как приятно чужестранцу
Находить у вас приют!
Как это по-русски будет, айн унд двайнщих,
Был бы шея – есть хомут!...

Уже не помню кто, а затащил Никиту Богословского. Это вообще Бог, даже по сравнению с Окуджавой. «Тёмная ночь, только пули свистят по степи...», «Шаланды, полные кефали...», «Три года ты мне снилась...»

Робею, заговариваюсь, называю его вместо Никиты Владимировича Никитой Сергеевичем.

«Спасибо, – говорю, – большое, Никита Сергеевич».

А он, – до последних дней остряк-юморист, отвечает:

«Молодой человек, между нами с Никитой Сергеевичем (Хрущёвым, конечно, – авт.) есть некоторая разница: он ноты писал, а я – музыку...».

Любопытен вопрос о гонорах, не так ли? Кто сколько стоил, кто сколько брал?

Николаю Караченцову я вызвал такси и, смущаясь, сунул артисту десять рублей. Николай тоже очень смущался и отказывался...

Когда предложил деньги Никите Богословскому, тот отреагировал тоном доброго барина:

«Спасибо, любезный! Лучше пропейте, а если не хватает, скажите, я Вам денег добавлю».

Что касается Юрия Иосифовича Визбора, то он принял тридцатник в конверте как должное...

Откуда эти деньги у меня, комсомольского руководителя, брались? Расскажу, подождите, скоро расскажу.

Вместо ранее объявленного коммунизма

Читатель ещё не забыл про учебник истории для 4-го класса, по которому я учился и где в 1980-м году на полном серьёзе обещался коммунизм? Забыл? Ладно, напоминаю.

Наступил 80-й. Мы, комсомольцы, к нему, разумеется, готовились. Под мудрым руководством Коммунистической партии. Были у этой партии здоровые идеи? Конечно, были. Ну, например, приезжает в Союз по какому-то поводу куча иностранцев. А мы должны демонстрировать демократизм! Сама партия демонстрировать не будет, а комсомол – пусть, молодым прощается!

В конце 70-х сложился формат, называемый «интерклуб». Появляется в Москве группа молодых иностранных туристов, хоть «братских» поляков, хоть «враждебных» американцев. Красная площадь, Большой театр, всё такое. А вечером куда, а общение с молодёжью где? Всенепременно! В перечне простых, но согласованных с горкомом партии московских клубов группу встречает советская молодёжь. «Круглый стол» с разговорами о чём угодно, дискотека, даже и выпивка. Что тут искусственного и недемократичного? Всё абсолютно естественно и демократично, включая портвейн из портфеля, если не хватало заранее припасённого.

Для чего существовали такие клубы? Э-э-э... В частности, для репетиции события, призванного заменить объявленный Никитой Сергеевичем Хрущёвым коммунизм. 80-й. Олимпиада! «До свиданья, наш ласковый Ми-и-и-ша...». Но сначала – здравствуй!

Итак, почти по Маяковскому, кроме последней строчки:

Когда я итожу

То, что прожил

И роюсь в днях,

Ярчайший где,

Я вспоминаю одно и то же:

16 июля 1980-го – первый день...

16 июля – первый день Олимпиады. Школьников к этому моменту отправили в пионерлагеря. Бомжатник и прочий неблагонадёжный элемент отселили на 101-й километр от Москвы: существовала такая форма избавления от лишних проблем. Это для тех, которым «на выход».

Кому «на вход» – своё: «колбасные» электрички (в столицу ездили за колбасой, коей редко торговали в регионах) в Москву больше не ходят.

Вообще-то ходят. Но на перроне у пассажиров проверяют паспорта. И если у тебя столичной прописки нет, то вежливо предлагают проехать обратно. В силу временно сложившихся обстоятельств.

А в Москве реальный коммунизм! Есть финский сервелат! И финская горчица. Она не такая ядрёная как наша, но мы же впервые пробуем. Пиво в железных банках! Но главное – нет очередей!! И людей как-то мало на улицах...

Дорогой Леонид Ильич открывает Олимпиаду. Никаких претензий к Ильичу: виртуальный хрущёвский коммунизм достойно заменён действительным брежневским. Впрочем, без анекдотов всё равно не обошлось.

В руках у генсека КПСС бумага с речью, наверху бумаги – олимпийские пять колец.

«О!» – произносит Ильич, и Лужниковский стадион заходится в аплодисментах.

«О!» – говорит Брежнев ещё раз, и аплодисменты гремят сильнее.

«О!!!» – в третий раз, теперь гораздо выразительнее.

И тут голос из-за спины:

«Леонид Ильич, кольца читать не надо...»

В стадионных буфетах – упомянутое пиво в железных банках, и финский сервелат, и горчица.

Н-да. На интерклубах мы потренировались. На Олимпиаде за каждым райкомом закрепили свой интерклуб. Мне достался тот, что на улице Герцена (ныне – Большая Никитская), в Центральном доме медика, бывшей усадьбе князей Шаховских. Его директором тогда служил Александр Бертман; впоследствии Александр Семёнович «передал» дом сыну, Дмитрию Бертману. Я не хотел бы здесь иронизировать: Дмитрий Бертман – достойный художник «Геликон-оперы», народный артист России. Но тогда Дима был маленький, а папа – большой.

Давай, говорят мне старшие товарищи, делай здесь интерклуб. Да не простой, а тот, что будет принимать главным образом группы из стран, которые Олимпиаду бойкотируют.

Не буду вдаваться в историю бойкота, многослойную и не совсем короткую. Напомню лишь о том, что в декабре 1979-го советские войска вошли в Афганистан, а в феврале 1980-го Генеральная ассамблея ООН ввод войск осудила...

* * *

Отвлечемся немного на Афганистан. И на героев. Тут вновь не источниковедение, не формально-официальные версии, а чисто бытовое восприятие, и спорить о нём бессмысленно.

Для чего вошли в страну? Чтобы защищать некоторый внедряемый нами строй. Этот строй – самый прогрессивный. А если не наш строй, то будет строй американский. И войска США подтянутся к границам СССР со стороны Востока. То есть, ежели не мы, то американцы.

Отсюда интернационализм и, подымай выше, интернациональный долг. Помощь братскому народу.

И «кони» (имеются в виду наши военные) застоялись, героизма поубавилось. Да, что-то там в Египте, во Вьетнаме было, но как-то по мелочам.

И клич родной Коммунистической партии, к которому присоединился и Ленинский комсомол, молодёжь с энтузиазмом подхватила. «Ты записался добровольцем?» Вроде это слышалось когда-то, но пора и возобновить. И никаких «Цинковых мальчиков» и вообще ничего кроме интернационального долга и интересов родной страны.

Кстати, вы видели «разоблачителей» среди воевавших в Афгане? Ага, в кино, в книгах. О спекуляции оружием, наркотиками; о сдаче наших планов бандюкам-душманам. Это ложь? Я думаю, что это правда, но какая-то другая.

Потому что от живых людей мне такой правды слышать не приходилось.

Руслан Аушев ровно в 1980-м попросился в Афганистан. Ранение, звание Героя Советского Союза, военная академия в Москве и опять в Афганистан, по собственной воле. Четыре года и восемь месяцев в Афгане – это ведь больше, чем вся Великая Отечественная...

Разговариваем с Русланом, моим ровесником, он вспоминает жизнь:

– В школу пошёл в Грозном. Учиться на «отлично» у нас считалось дурным тоном. Другое дело –

спорт. Я и дрался, конечно, и отжимался прилично, но больше всего увлёкся футболом. В 1965-м отца пригласили в Алма-Ату, где мы провели два года. Выяснилось, что рядом с домом находится база футбольного клуба «Кайрат». День и ночь я проводил там, знал всю команду, да и меня все знали, ездил с ними на игры. Был чемпионом Алма-Аты по «Кожаному мячу».

А вообще с первого класса мечтал стать лётчиком. Прочитал массу книг о лётчиках, интересовался конструкциями новых самолётов. Тогда шла война во Вьетнаме, и я следил, как там дела, как наша авиация себя показывает. Но... получил на футболе сложный перелом ноги и в лётное училище уже не проходил.

Поехали вместе с братом присматриваться к общеобразовательному училищу в Орджоникидзе. Гляжу – а там за забором футбольное поле. Вопрос с поступлением сразу решился.

В училище сначала пришлось сложно: чего стоило меня с таким характером даже в строй поставить. Выгонять хотели, но тут самолюбие выиграло, и учёба наладилась. Закончил неплохо.

Служили с братом командирами взводов в Северо-Кавказском военном округе. Потом Адам уехал в Забайкалье: обострились отношения между Вьетнамом и Китаем, и брат, тоже большой любитель острых ощущений, подумал, что большие дела начнутся именно там. А они начались в другом месте. В 1979-м комплектовались подразделения в Афганистан, я подал рапорт и в январе 80-го оказался на войне заместителем начальника штаба батальона.

Непонятная страна. Непонятная ситуация: как это можно стрелять в человека, убивать? Но когда 20 января убило нашего комбата, стало ясно, что это не кино и не приключенческий роман.

Как я сам в первый раз убил человека? Брели один укрепрайон, и мне приказали обойти его со взводом. Иду первым и чувствую: кто-то на меня смотрит. Оборачиваюсь, а он стоит с винтовкой за камнем и хочет стрелять. Я на мгновение быстрее дал очередь, и его понесло. Знаешь, висит полотно, а ветер дунет – фу, и оно улетает. Так и душман улетел. Там ещё пацан был, видно, брат. Ну, мы пинком его – беги домой. Всё. Я даже удивился – какое-то равнодушие к этому.

Все эти каратистские пояса, стойки, подход-отход... Зачем? Я вот когда в академии имени Фрунзе учился, занимался борьбой с ребятами из Комитета госбезопасности, но не о поясах думал, а как мне это на войне пригодится. Помню, раз ночью окружаем населённый пункт на границе с Пакистаном. Передо мной два афганских проводника зашептались чего-то и бегом за камни. Я назад, спрятавшись за куст, а тут часовой выходит и спрашивает: свои? В лентах весь. Я выскочил, его руку с карабином в сторону и ладонью в подбородок, а ногой по яйцам. Ну, он сразу «потух». Потом ещё на троих наткнулись: кого прикладом, кого как. Не очень красиво? Зато жизненно...

В Паншерском ущелье потерялись несколько солдат, и мой батальон послали на поиски. Но там сидели большие силы, и началась большая война. Бьют и бьют из миномётов, а у нас мин нет, поддержки нет, осталось одно стрелковое оружие. Я говорю по радиации командиру передовой роты, которой пришлось хуже всего: сядь за камнями, гранаты бросай, я к тебе сейчас ещё роту подтяну. Подтягиваемся, смотрю, один взрыв, второй, третий, а четвёртый – там, где он укрылся. Запрашиваю – тишина. Командир роты тяжело ранен, командир взвода тяжело ранен, корректировщик в ногу ранен и солдат-эстонец в живот. Пробились к ним, всю ночь тащили к вертолётной площадке. Умер комроты. Самый тяжёлый случай за все афганские годы.

И меня пуля не миновала. Выводили некоторые части из Афганистана, а мы выполняли задачу прикрытия. Так вот: колонну «Камазов» с топливом зажали в ущелье, на узкой дороге. Один «Камаз» зажгли, и он дорогу перегородил. Со мной два танка, шесть боевых машин пехоты, я был на БТР. Связь перестала работать, выскакиваю из машины – и к танку: ствол, говорю, опусти и столкни. А он ничего сделать не может: ЗИП стал гореть, брезент; жара, еле потушили. Ну ладно, отъезжай на прямую наводку и сбей.

Сказал и побежал к машине. Тут меня в спину пулей. Влез в БТР, сел и понял, что пробита печень навывлет. Кровь пошла, задавило лёгкие. А танк как даст! Огненный шар поднялся, и всё тепло на нас.

В Афганистане для меня не было сомнений, что воюю за Родину...».

* * *

Бойкотировали Олимпиаду большинство «первострочных» стран. Но страна есть абстракция, а люди конкретны. Многим гражданам тех стран хотелось посмотреть на Олимпиаду.

Плюс принимали в интерклубе сборные команды стран, которые Олимпиаду не бойкотируют. Плюс делегации братских коммунистическо-социалистических союзов молодёжи.

Построили в Доме медика «потёмкинскую деревню». Искренне полагаю, что получилась она, с учётом времени, лучше, чем у светлейшего князя и генерал-фельдмаршала Григория Александровича Потёмкина-Таврического.

Интенсивная работа интерклуба начиналась вечером, часов в 18, когда после соревнований в интерклуб подтягивались и спортсмены, и болельщики. Вход в клуб для них был отнюдь не свободным, а по предварительному звонку наших компетентных людей. Для прочих входа совсем никакого нет, для этого у меня собственная пропускная система и комсомольский оперотряд. Когда кто-то особенно настойчиво хотел прорваться в клуб «недемократично», подключались «менты» в штатском и чекисты: помогали при необходимости быстро, чётко и вежливо.

Гости входят и хотят «размяться». С нашим удовольствием! Пройдите, пожалуйста, в бар. Чего желаете?

Потом дискуссионная комната. Где я сотоварищи, без всяких согласованных текстов, а как душа и комсомольская совесть велят, рассказываю, как хорошо в стране советской жить. И опять выпиваем за дружбу.

Далее, кто хочет, может пройти в джаз-салон с лучшими джазовыми коллективами Москвы. А что такого? Тут они каждый день играют! Для трудящихся масс!

Или в зажигательную дискотеку. Или снова в бар. Или в концертную программу. Из кого программа состояла?

Слава Зайцев с танцующим коллективом в модной одежде! Почему я так панибратски его называю, чего в принципе не люблю и избегаю? Потому что он так представился, и мы так общались все олимпийские дни. «Саша – Слава», друзья не разлей вода. Что не помешало Славе забыть меня через пару недель после Олимпиады.

Импозантный Валера Леонтьев. Красотка Света Жильцова. Аналогичный случай! Да речь не об этом.

За полночь начинались неформальные посиделки. Мы накрывали две-три «поляны» и общались с гостями.

А! Про деньги! Я ж обещал рассказать и делюсь: разницы нет между артистами в «Горбушке» и Олимпиадой. За чей счёт накрывали «поляны»? Сугубо легальный вариант, никакой уголовщины! В одном случае комсомолец N писал заявление в райком с просьбой оказать ему материальную помощь, а потом отдавал деньги организаторам.

В другом – таким же образом решались вопросы в первичных комсомольских организациях. С учётом того, что в районе базировалось десять союзных министерств, вопросы решались успешно.

Третий случай – «сэкономленное сырьё». Своё у ресторана «Прага», своё – у пивзавода Бадаева, своё – у торга «Мосовощ».

Беседы с гостями случались на редкость занимательные.

Раз встречаю делегацию Никарагуа. Идёт впереди раскосый человек, спрашиваю:

«Вы переводчик?».

«Нет, не переводчик», – отвечает на спокойном русском языке.

«А кто?».

«Я – руководитель делегации».

«Где Вы так научились хорошо говорить по-русски?».

«Я заканчивал в Москве Институт дружбы народов имени Патриса Лумумбы...».

Понятно. Но штука в том, что ровно год назад в Никарагуа победила народная революция, был свергнут гнусный диктатор Сомоса. Интересно ведь обо всём этом разузнать из первых рук, правда?

«Как Вас зовут?».

«На русском языке не очень культурно... Рохер. Называйте меня Роже».

«Кем Вы были раньше, при Сомосе?».

«Работал в подполье».

«Расскажите какой-нибудь случай».

«Случаев сколько угодно. Однажды нам очень понадобились деньги, и мы взяли банк».

«Как это «взяли», ограбили, что ли?».

«Мы *взяли* банк. Но охрана взяла нашего товарища, его посадили в тюрьму».

«А вы?».

«Мы взяли тюрьму и освободили нашего товарища...».

Вот такой состоялся разговор.

Приехала делегация Югославии. Социалистическая федеративная республика Югославия (СФРЮ) котирировалась на комсомольских туристических выездах в качестве капиталистической страны. Югославы подарили нам четыре шикарных спортивных костюма. Сказали, что это для наших лучших спортсменов.

Лучшими спортсменами стали, понятное дело, я, два моих зама и... совершенно случайно оказавшийся поблизости Александр Борисович Бергман. Пришлось и ему костюм подарить.

Клуб очень понравился австралийцам. Взяли мой адрес и позже прислали приглашение посетить страну. Да разве в 80-м, с присутствием массы бюрократических препон и отсутствием валюты, выедешь в совсем далёкую Австралию...

С представителями социалистических стран – типа ГДР, Польша, Чехословакия, мы вели себя совсем по-братски: бухали и бухали.

Наши молодые друзья-чекисты восхищались своим артистизмом. Приехали японцы. Взяли пива, закуски, беседуют. Подсаживается к ним неформально одетый старший лейтенант Лёша Кузейник, реально, не по-театральному пьяный. И включается в беседу, причём, на японском языке.

«А Вы кто? Откуда наш язык знаете?» – интересуются туристы.

«Я? Слесарь Московского трубного завода. Давно полюбил Японию, а на заводе открыли кружок японского языка. У нас с этим запросто! Вот и выучил...».

Редко я успевал поехать домой на метро: последний поезд уходил с «Арбатской» где-то в начале второго ночи. А так на такси. Поспишь часов до десяти, кофейку дёрнешь, а потом в интерклуб, бумаги отчётные надо писать и готовиться к очередному вечеру-ночи.

25 июля 1980-го, в разгар Олимпиады, умер Владимир Высоцкий. Я знал, что происходит на Таганке. Знал про похороны, но пойти не смог – олимпийские хлопоты не позволяли.

Не смог я попасть и на закрытие Олимпиады, где Лев Лещенко пел «До свиданья, наш ласковый Миша», а резиновый грустноватый медведь улетал в столичное небо. Как созерцать трогательную процедуру закрытия, когда вечером этого дня в интерклубе планировался приём в честь руководителей братских союзов молодёжи и генеральных секретарей национальных олимпийских комитетов.

У входа в клуб стоял не резиновый, а настоящий медведь, привезённый из цирка. Он порывивал и махал гостям лапой. Гости запаздывали. Дрессировщик сказал организаторам вечера, что, мол, пора с медведем в цирк, на представление. Некто из команды встречающих, в косоворотке и чине майора, доверительно обратился к дрессировщику:

«Парень, медведь здесь будет находиться столько, сколько нужно. А лапой он у тебя машет вяло! Скажи, чтобы жестикулировал познергичнее!!».

Гости разъехались к трём ночи.

Я стоял на парадной лестнице Центрального дома медика и ожидал, когда откланяется главный (для меня!) гость – первый секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Пастухов. Вот спускается и он. Я иду на встречу, попрощаться. Но тут как тут возникает Александр Борисович Бергман.

Пастухов ему, как шубу с барского плеча:

«Молодец! Поедешь во Францию. За счёт комсомола!».

Скромно стою в сторонке. Борис Николаевич достаивает взглядом и меня:

«А тебе – грамоту ЦК комсомола!».

Дальше надо бы сказать так: на следующий день цирк (пардон, «потёмкинская деревня»), слава Богу, не сгорел, а просто закрылся, и «клоуны» разбежались. Но *так* было только через день. А на следующий день мы отрывались сами с собой, на прощальном олимпийско-дембельском вечере.

Мы же кто? Мальчишки и девчонки, до 28 лет максимум. Пусть с комсомольскими, а многие одновременно и с партийными билетами в кармане, а также с жёнами и детьми дома. Но при этом... мальчишки и девчонки. С вытекающими последствиями.

Что за последствия? Дык любовь... Девушек – верных комсомолок для командной работы в интерклубе я подбирал сам: из Библиотеки Ленина, из министерств на Калининском, из магазинов «Мосовощ». По каким критериям? Так по внешним исключительно, чтобы медаль (помните пока?) не висела... А пацаны пусть будут неважно какой внешности, но интеллектуалами.

В тот последний вечер я обратил нешуточное внимание на ту, которую раньше видел, но не мог активно демонстрировать знаки внимания. И с места в карьер:

«Ты знаешь, я все эти дни тебя искал!».

«Что вы говорите! Как интересно!»

Мы пили вино, танцевали. Мы выпрыгивали в окно Дома медика. Мы гуляли по тёплым улицам летней Москвы. Осень мы встречали в квартирке возле дальней столичной станции метро. Мы застали зиму в немецком городе Росток на побережье Балтийского моря. Мелководье, но волны красивые. Друзья в русских зимних шапках шли по мелководью и старались занырнуть, шапку не замочив.

Мы смеялись и пили шнапс, закусывая его колбасками с горчицей – не из «потёмкинской деревни», а из обычной прибрежной палатки. Я без сожаления тратил последние марки в кабаке на Унтер дер Линден в Берлине. На что? Да ничего эксклюзивного: пиво, мороженное.

Из Берлина мы летели в Питер. В Питере зашли в кабак: по-обычному, по застойному ели-пили. Взяли с собой в вагон. Помню следующую комсомольскую сцену. Поезд пришёл на Ленинградский вокзал в Москве. А мы прощались. Так, что и не заметили прибытия. Сидим и сидим с друзьями и с ней, разумеется. Проводники ходят рядом и вздыхают: м-да...

Взгляд со стороны жены Гали:

«Приезжаю на вокзал встречать любимого мужа. Поезд пришёл вовремя. Все выходят, а моего нет... Пошла вдоль вагонов, а номер вагона я знала. Спрашиваю у проводника: которые из Питера здесь есть? Сквозь зубы отвечает: есть, здесь они. Иду вдоль купе. Смотрю – сидит вполне весёлая компания, тепло общаются между собой. Саша, говорю, пойдём домой. А, говорит, привет, Галя, пойдём...».

Дальше как всегда – редки исключения из правил. У меня родился законный сын от законной жены. У неё начальник решил эмигрировать в Штаты и пригласил составить компанию. Она развелась с мужем и поехала.

* * *

«Потёмкинская деревня» закрылась. Однако спорт не закрылся, а совсем напротив, расцвёл. Миша Болдюков, заворотделом райкома комсомола, подошёл ко мне и загадочно сказал:

«А ты подкачаться по-цивильному не хочешь?».

Мы и раньше подкачивались время от времени в кустарном спортзале одного из районных заводов. Гантельки, штанги потягаешь, под душ и домой. Но Миша предложил другое:

«Олимпийская деревня, как ты думаешь, куда делась? Никуда не делась, она теперь для всего трудового народа. Про весь народ я, конечно, сомневаюсь, но с соседним райкомом договорился, дадут нам абонементы в «качковский» зал».

О чём речь? Об атлетической гимнастике. У молодого и мощного тогда Шварца (Арнольда Шварценегера) бицепс в окружности составлял, по разным данным, 56-58 сантиметров. У комсомольского качка Миши тоже немало – 46. А у меня... 32. Кубиков на животе и вовсе не прослеживалось.

Стали ходить в приличный зал Олимпийской деревни. За одно занятие бицепс вырос на два сантиметра! Правда, потом сдувался... И лёгкие тени кубиков на животе появились. Класс! Пару лет посвятил я этому делу: до 38 несдувавшихся сантиметров догнал. Проверьте, померяйте у себя! А-а-а-а...

Ещё в Олимпийской деревне была сауна. Удивлялись: что это, зачем это? Без поддачи, как в привычной русской бане, сидишь и до чего-то дозреваешь. Но любопытно, вроде как к иной цивилизации приобщаешься.

Секцию посещал молодой человек с недовольно сжатыми губами и курчавыми волосами. Мы-то с ребятами задружились, болтали, в сауну ходили, а он как-то сидел один, качал свою штангу, ни с кем не общался. Подошли к нему спросили:

«Тебя как зовут?».

«Володя», – отвечает.

«А ты по жизни кто?».

«Юрист».

На этом общение заканчивалось. Желаящим подкачать мышцы Володей-юристом был Владимир Вольфович Жириновский.

Эпilog.

Кутузовский проспект. Красная площадь.

1982-й

В 1982-м я ушёл в очередные горы. С мыслью вернуться с них, а после с комсомольской работой завязывать. 28 лет скоро исполнится, да и вообще хватит. Куда? В журналистику, вопрос решённый, места подобраны.

Выхожу в райком в конце августа. И сразу – нервный звонок:

«Где пропадаете?».

«Как где: в законном отпуске».

«Какой отпуск?! Вас вызывает первый секретарь Киевского райкома КПСС Александр Васильевич Коровицын!».

Промотаем нашу условную «плёнку» на сколько-то лет вперёд.

В декабре 1985-го года нестигаемый большевик и партийный функционер со стажем Борис Николаевич Ельцин избирается первым секретарём Московского горкома КПСС. Откуда что взялось, но сразу же начинает «демократические реформы», включающие показательные партийный чистки: снимает с должностей секретарей горкома и первых секретарей райкомов партии. Попадает под горячую руку весьма уважаемый в районе, городе и центре Коровицын: его освобождают от должности за... плохую организацию плодоовощной торговли.

Особая история, особые сцены, особо про Ельцина, ну, пока оставим их в покое для будущих изложений.

Александр Васильевич, конечно, удручён. Но в этом удручённом состоянии его приглашает на работу лично министр цветной металлургии СССР Пётр Фадеевич Ломако. Поскольку впервые министром он стал ещё в войну, при Сталине, то на мнение Ельцина ему было наплевать с высокой колокольни.

Работает Коровицын в Минцветмете, встречаемся мельком, здороваемся. Обычное:

«Как дела?».

Столь же обычный ответ:

«Нормально. Трудимся».

23 июля 1986-го года Александр Васильевич внезапно выбрасывается из окна кабинета на восьмом этаже здания на Калининском проспекте...

Ну, значит, вызывают меня к Коровицыну. Я бегу в парикмахерскую, бороду после гор сбрил, постригся, «гаврилку» (галстук) надел – и в приёмную. А там и вправду ждут, заходите, приглашают.

«Александр Николаевич (это типа я – авт.), не засиделись в комсомоле-то?».

«Да, Александр Васильевич, подумываю о...».

«Правильно, товарищ Иванов! Пора на партийную работу. Хотим предложить Вам очень ответственный участок – наглядную агитацию. Район наш начинается, сами понимаете, прямо от Кремля, Политбюро по нему каждый день ездит. Праздники, демонстрации, всё такое...».

Отказываться в *то* время от *таких* предложений не принято. Ладно, думаю, соглашусь, поработаю года три и уйду в свою журналистику.

И начинается. «Боевым крещением» стала подготовка к «полукруглой» дате – 65-летию Великого Октября. Электрические цифры «65» на здании СЭВ – Совета экономической взаимопомощи социалистических стран, буквы «СССР» на зданиях-«книжках» проспекта Калинина, огромные знамёна на домах по Кутузовскому проспекту.

С наглядной агитацией происходило довольно много уморительных (по нынешним меркам, разумеется, а тогда вовсе не смешных) сцен. Так, пространство вокруг дома 26 по Кутузовскому

проспекту наглядной агитацией было просто увешено. И даже во дворе устанавливались среднего размера плакаты, на одном из которых красовалась мотивирующая на великие свершения надпись: «Сделаем Москву образцовым коммунистическим городом!».

И выходит как-то из подъезда секретарь ЦК КПСС и депутат Верховного Совета СССР Владимир Иванович Долгих. Замечает форменное безобразие: на плакате к слову «городом» злостными хулиганами-антисоветчиками приделана буква «о». Использован белый материал, внешне очень похожий на мел. Получилось: «коммунистическим огородом»...

Надо бить тревогу, звонить во все колокола! Поднимает Владимир Иванович трубку и звонит по назначению – первому секретарю Московского горкома КПСС и члену Политбюро ЦК КПСС Виктору Васильевичу Гришину. А кому ж ещё, властная иерархия, понимаешь. Тот – Коровицыну, Коровицын – мне.

Через час возле плаката собирается «могучая тройка»: я, директор эксплуатирующей местную коммуналку конторы и... дворник. Последний лихим жестом годами натренированной руки с мокрой тряпкой за доли секунды уничтожает зловредную букву. И вправду мел оказался. Вот что значит бдительность! И вот что значит мастерство!

Но особое внимание уделялось портретам Ленина и Брежнева.

Ленин везде. Но мне лежала особая роль: организовать написание светлого облика Владимира Ильича для вывешивания на здании Министерства иностранных дел на Смоленской площади. Подробиностей ни в каком Интернете не найдёте!

Материалом гигантского портрета служила кирза. Правильно: та самая, из которой шьют солдатские сапоги. А как иначе: простое полотно высотных ветровых нагрузок не выдержит. На кирзу кладутся грунт, специальные краски. Длина портрета – 47 метров, ширина – 16. Вес – три с половиной тонны. Крепился портрет на специально созданных на высотке конструкциях. Величественно и шикарно смотрится!

Шедевр сочинили и пятого ноября вывесили! Но шестого ноября 82-го в Москве разыгрался страшный ветер: мусор разлетался по улицам, наши «наглядные партийные» конструкции раскачивались. Да что там – деревья кренились и падали. Вечером, накануне демонстрации трудящихся и всеобщего народного ликования у меня в квартире раздался звонок:

«Товарищ Иванов, портрет Ленина порвался и бьёт лоскутами стёкла в МИДе...».

Кошмар какой! Трубим во все трубы и во все службы. Службы включаются, но максимум возможного – просто демонтировать пострадавший портрет за ночь, что и происходит. Сняли рваные кирзовые лоскуты – и абзац пока. А вот с Брежневым...

В преддверии празднования 65-летия Октября на площадку, определённую горкомом партии, вели свезти все эскизы портрета дорогого Леонида Ильича: для улиц, зданий, демонстрации. Из районов Москвы свезли несколько сотен эскизов. Ходят ответственные работники горкома, в принципе нормальные советские парни, с юморком, смотрят на очередной портрет и спрашивают:

«Ему тут сколько лет-то?».

«А сколько нужно?».

Смущение, поскольку Брежневу на портрете лет пятьдесят...

«Ладно, пойдёт».

К следующему портрету:

«Ну, товарищи...» (на этом портрете Ильич ещё моложе, лет сорок).

К следующему:

«А что он у вас такой бледный? Подрозвить надо!».

Автор портрета – художник, которому по фигу кого рисовать, лишь бы деньги платили, откровенно отвечает:

«А зачем розовить? Он же не поросёнок. Пожилой солидный человек...».

Утвердили наш эскиз «на пятьдесят», а портрет-то выставлять эвона где, напротив гостиницы «Украина» на Кутузовском проспекте; «сам» в этом месте обязательно проедет. Там в принципе выставлялось всё Политбюро: лично дорогой Леонид Ильич размером побольше, четыре на пять метров, остальные члены Политбюро поменьше: три метра на четыре.

И тут ситуация выходит почти как с Лениным, звонят и говорят: упала конструкция с Брежневым, а портрет треснул, порвался...

Ё-моё! Срочно! Срочно!! Везём портрет прямо в просторную приёмную райкома. Штопает самая знатная швея всех времён и народов. А вокруг – первый, второй и третий секретари, не говоря уже обо мне и директоре швейной фабрики, где швея трудится.

«Да, дорогая, – это к швее, – так-так, вот здесь давай стежок, а ещё вот здесь поаккуратней...».

Правее, левее. В общем, все понимают толк в штопке сановных портретов.

Заштопанное произведение искусства в ночь на седьмое ноября восстанавливается на Кутузовском. Я пропускаю рюмку, нет, стакан, и ложусь часа на три спать...

Надо пояснить. На демонстрацию везли так называемые тележки – сварные металлические конструкции на колёсах. На них закреплялись плакаты с изображениями процветающей страны; рабочих, колхозников, инженеров и слоганами «Коммунизм победит!», «Империализму – нет!» и тому подобными.

Проходим Красную площадь. Леонид Ильич стоит на трибуне Мавзолея. Из динамиков звучит призыв:

«Коммунистической партии Советского Союза – слава!».

А колонны отвечают:

«Урр-а-а-а-а!»

Но выпить хочется, тем более, что пошёл непредсказуемый ноябрьский снежок. Решение есть! На тележке смонтирован специальный ящик. Для чего? Ну, флажки какие-нибудь положить для последующей раздачи трудящимся. Медицинскую аптечку, бутылки с водой, термос с чаем.

Так вот: в ящике тележки и другое припасено!! Когда по Васильевскому спуску продвигаемся к метро «Кропоткинская», где нет никакого партийного контроля, а есть, напротив, партийное одобрение, припасы достаём.

Специальных комсомольских колонн и тележек на демонстрации нет, но комсомольцы-то есть! Гляжу, рядом наши, райкомовские. Подмигивают и говорят:

«Ты чё, шибко партийным стал, с нами уже и не выпьешь?!».

«Обижать-то зачем?» – отвечаю, и к ним.

Налили, вздрогнули. Ну, а теперь как учили:

«Ленин! Партия! Кам-са-мол!».

И по второй. И по третьей.

Ровно через три дня Леонид Ильич умер. Комсомолу оставалось жить девять лет.

